

РАБОТНИЦА

№ 11 1976

Издательство «ПРАВДА»

ЛЕНИН ГОВОРИТ. Работа художника П. БОРТНОВА.

Да здравствуют советские женщины — пламенные патриотки нашей социалистической Родины, активные участницы трудовой и общественной жизни! Честь и слава женщине-матери, отдающей тепло своего сердца воспитанию детей — будущих строителей коммунизма!

Из Призывов ЦК КПСС к 59-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.

ВСТУПАЯ В ГОД ШЕСТИДЕСЯТЫЙ...

«В наших календарях записано: 1976 год—59-й год Великой Октябрьской социалистической революции,—говорил в Отчетном докладе XXV съезду партии Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев.—Это не просто слова. Сегодняшние свершения советского народа есть прямое продолжение дела Октября. Это есть практическое воплощение идей великого Ленина. Этому делу, этим идеям наша партия верна и будет верна всегда!»

Октябрьский праздник—всегда итог сделанному и взгляд в будущее. Наша страна пришла к 59-й годовщине великой революции в расцвете своих сил и могущества, достигнутого благодаря самоотверженному труду всех поколений советских людей. А на листках календаря—1977-й—шестидесятый год Советской власти. Открывается новая знаменательная веха в истории первого в мире социалистического государства.

Есть точные, научно обоснованные измерения нашему прогрессу во всех областях народного хозяйства: рост национального дохода, промышленной и сельскохозяйственной продукции, производительности труда. Мы радуемся, что сегодня Советский Союз занимает первое место в мире по производству угля и стали, железной руды и цемента, хлопчатобумажных и шерстяных тканей. Устойчивые и высокие темпы развития советской экономики обеспечивают нам новые победы в соревновании с экономикой крупнейших капиталистических держав.

Важнейшее достижение пройденных лет—новый советский человек, хозяин и творец своей страны, своей судьбы. Сплав знаний, убеждения и практического действия—вот главные слагаемые его коммунистической идейности. Соединение интересов личности с интересами общества—такова основная черта советского образа жизни.

Размышляя о социальном прогрессе, нельзя ограничиваться статистикой: рублями и тоннами, киловатт-часами и квадратными метрами. Здесь надо рассказывать о самих людях, об их делах и думах. И хотя отдельные эпизоды и конкретные судьбы не создадут полной картины, но, как говорят, и в капле росы отражается мир.

...В этом году мне довелось побывать на некоторых из крупнейших новостроек десятилетия пятилетки, указанных в «Основных направлениях народного хозяйства СССР на 1976—1980 гг.» и названных в народе «съездовскими»: на юге Красноярского края, где с невиданным размахом создается целое созвездие предприятий, комбинатов и объединений, входящих в Саянский территориально-

производственный комплекс, в Центральной России, где на месторождениях Курской магнитной аномалии сооружаются новые индустриальные гиганты—Лебединский горно-обогатительный комбинат и Оскольский электрометаллургический комбинат. Осмотрел я и главные объекты Южно-Таджикского комплекса—строящуюся и одновременно действующую Нурекскую ГЭС, корпуса алюминиевого завода в Регаре, площадку и первые сооружения электрохимического комбината в Яване...

То, что происходит в этих разделенных тысячами километров районах, принято называть развитием производительных сил, освоением энергетических и сырьевых ресурсов, наращиванием экономического потенциала страны. Но, пожалуй, самым емким и точным определением этому будут слова «продолжение революции». Революция, которая освободила людей от эксплуатации, социального и национального гнета, сделала рабочий класс ведущей силой общества. А если продолжается революция, значит, есть и революционеры. Их миллионы—все честные труженики страны.

Мне хочется рассказать о нескольких женщинах, с которыми я познакомился на «съездовских» комплексах. Родившись в разные годы после Великого Октября, они вкладывают в свои сегодняшние дела революционную целеустремленность, революционный дух.

Первая из них—Дарья Васильевна Васильева. Ее нынешняя должность—мастер-инструктор на сооружении крупнейшей в мире Саяно-Шушенской ГЭС. Должность нужная, почетная, но в доверительной беседе она призналась, что очень скучает по прежней работе, когда была рядовой бетонщицей. Ее имя занесено на мраморную доску у главных ворот Иркутской ГЭС, она была делегатом Двадцать третьего съезда партии и участницей Всемирного конгресса женщин, на ее груди—ордена Ленина и Октябрьской Революции...

Три великих стройки Сибири—Иркутская, Красноярская и Саяно-Шушенская гидроэлектростанции—поднимались на плечах таких славных тружеников, как бетонщица Васильева. Интересно заметить, что Дарья Васильева—по национальности чувашка—приехала на первую ангарскую стройку из далекого чувашского колхоза. Свой путь к рабочей славе начала в пятьдесят третьем году в котловане ГЭС. «Людей собралось много, а техники маловато,—вспоминает она.—Бетон зачастую перекидывали вручную лопатами. Накидаешься так, что приходишь с работы—есть не хочется. Но молодость брала свое, даже на танцы бегали...»

Этот разговор состоялся у нас в саянских

Черемушках—современном благоустроенном поселке строителей ГЭС. Теперь все иначе: изменились условия труда, быта, досуга. Живет молодой задор в сердцах ветеранов, живут, развиваются традиции Иркутска и Дивногорска. «Подвиг у Дивных гор приумножим в Саянах!»—провозгласили строители нового енисейского исполина. А приумножать—значит двигать дело дальше, решать более трудные и сложные задачи. Перед создателями Саяно-Шушенской ГЭС они предстают в самом конкретном выражении: возвести плотину вдвое выше и обуздать поток воды гораздо мощнее, чем на Красноярской гидростанции.

—Довольна ли я своей жизнью?—переспрашивает Дарья Васильевна.—Да, если бы снова пришлось начать—другой не надо. Три перекрытия—сначала Ангары, потом два раза Енисея—своими глазами видела, плотины от паводков спасала, первые агрегаты пускала... Много было трудностей, но счастья, радости—больше. Наверное, в каждом деле бывает так, но разве может что-либо сравниться с радостью строителей!

...У Нины Ивановны Прасоловой другая профессия: она оператор Лебединского горно-обогатительного комбината, что в городе Губкине, Белгородской области. Комбинат оснащен самой совершенной техникой. Все здесь крупно, масштабно. И дела у коллектива идут хорошо: досрочно осваиваются проектные мощности, потребителю отправляются сверхплановые эшелоны высококачественного концентрата и окатышей.

Производство комбината потом превратится в чугуны, в сталь, в различные виды проката. Прокат пойдет непосредственно в дело—станет строительными конструкциями, железнодорожными рельсами, деталями всевозможных машин. И значит, забота горняков простирается дальше: от них зависит успешный труд доменщиков, сталеваров и прокатчиков, высокое качество и надежность различных металлических изделий и машин.

Н. Прасолова—инициатор соревнования в своем коллективе за высокое качество труда на каждом рабочем месте. Но сегодня этого мало, и по призыву ильичевцев она включается в движение за рабочую гарантию пятилетки: вместе с товарищами по общему делу из комбината «КМАруда», Макеевского металлургического завода и ростовского завода «Ростсельмаш» она пишет письмо в «Правду», где призывает раздвинуть рамки трудового сотрудничества—от сырья до готовой продукции, охватить соревнованием за обеспечение слаженности, четкого ритма и взаимопомощи все коллективы смежников, независимо от места их работы и ведомственной принадлежности.

«Мы призываем строить производственные отношения на основе, которую провозгласили ильичевцы: «От взаимных претензий—к взаимной помощи!»—говорилось в письме.—И пусть будет превыше всех местных забот и ведомственных интересов всенародная забота и один государственный интерес—общее дело».

Дело, которое начали в Губкине, Макеевке и Ростове, еще раз свидетельствует о том, насколько возросло революционное сознание советских людей. Не только личный труд и деятельность «своего» коллектива, а весь хозяйственный механизм, сложный, многоступенчатый производственный процесс охватывается участниками соревнования. Понятия «мое» и «наше», слившись воедино, обретают огромные масштабы, место в общем строю рассматривается как необходимая часть всенародной работы.

...В таджикском городе Нуреке, где на бурной горной реке Вахш возводится уникальная гидроэлектростанция, меня познакомили с тремя молодыми женщинами. Зовут их Зинаида Королева, Любовь Водопьянова и Бибисаро Аминбекова. У них разные судьбы и несхожие характеры, но сегодня вся стройка повторяет их имена обязательно рядом: Зинаида, Любовь, Бибисаро.

Чем же заслужили они такую популярность в многотысячном коллективе? А тем, что успешно закончили автомобильные курсы, получили права и первыми среди женщин Средней Азии (не знаю, бывали ли подобные случаи в других районах страны) сели за руль 27-тонных БелАЗов.

Спрашиваю подруг, не трудно ли им в этом сугубо мужском деле, не слишком ли устают они к концу смены.

— А почему нас не спрашивали об этом, когда мы с Любой штукатурами работали?—ответила вопросом на вопрос Королева.—Вот там мы действительно уставали.

— Работать на БелАЗе—одно удовольствие,—говорит Королева.—Машина эта в управлении легче «Волги»: усилие на руле 250 граммов, педалей сцепления нет, всюду гидравлика, пневматика... Правда, страшновато было на первых порах. Машина огромная, боишься, что не разъедешь со встречными...

Пока еще нечасто встретишь девушку-таджичку за рулем. Давние традиции дают знать о себе. Думается, что судьба Бибисаро—комсомолки с предгорий Памира, сменившей пестрые одежды на комбинезон водителя, могла бы стать отличным сюжетом для художественного произведения. И в рассказе о Бибисаро, как и о других делах на Южно-Таджикском комплексе, я часто слышал слово «революция». Революционный переворот в экономике, в сознании людей этого еще полвека назад заброшенного края.

...Невиданная по масштабам, небывалая по напряжению работа кипит сегодня во всех уголках великой Советской страны. Работа, которая отражает в себе созидательный пафос наших дней, стремление всего народа с честью выполнить исторические решения XXV съезда Коммунистической партии, замечательными трудовыми свершениями встретить юбилейный—шестидесятый год Великого Октября.

В. БЕКЕТОВ

Антонида Ивановна Червякова и ее бригада.

Фото И. ПИТЕЛЬМАНА.

«КЛЮЧ МАСТЕРСТВА»

СМЕЖНАЯ ПРОФЕССИЯ— ПЕДАГОГ

Владимир ГРУДСКИЙ

Дикая тайга, болота—так было и весной, и летом, и в осеннюю пору. Потом пошла нефть—нефть Самотлора, и самотлорцы, мужчины из мужчин, зачерпывали ее крепкой, большой ладонью... Трудная, суровая, мужская работа. Вроде бы так оно и есть. Но только любой самотлорец скажет вам, что не дала бы результатов эта суровая, чисто мужская работа, не будь иной, нежной и тонкой работы, исполненной руками женщин-харьковчанок, может быть, даже из бригады Антонины Червяковой. Бригада Червяковой, во всяком случае, хорошо поработала на тюменскую нефть. И не только на тюменскую. Специальность Тони Червяковой и ее подруг универсальная. Хотя и простая: обмотчица. «Одевают» они статоры электродвигателей—сердца будущих машин, нефтенасосов. Так что непосредственная область работы Тони и ее подруг—электротехника, и адрес у бригады: ХЭМЗ, Харьковский электромеханический завод имени 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции.

Ее бригада—без малого пятьдесят человек. Может быть, это и не очень много, не знаю. Как посмотреть. Вот вы, читатель, смогли бы принять на себя такое бремя: отвечать, скажем, за пять человек? За 50? А Червякова именно так и относится к своей должности бригадира—она не руководит, она отвечает. За бригаду в целом и за каждую из работниц. Начиная с первых ее шагов, с того момента, когда девушке только еще предстоит выбрать себе цех, бригаду и с бумажкой из отдела кадров она приходит знакомиться с производством.

— Около года назад пришла к нам Лена Константиныди,—рассказывает мне Антони-

да Ивановна.—По первому впечатлению ей наша работа не приглянулась. Показала все, рассказала, спрашиваю: «Ну как, будешь оформляться?» «Не зна-аю. Посмотрю еще. С мамой нужно посоветоваться». Я засмеялась, говорю: «Но мама ведь не знает нашей работы... Вон Люда Конева—подойди, поговори с ней. Посоветуйся». Люда молоденькая, а работает уже четыре года, и хорошо работает. И я подумала: может, девчонке с девчонкой лучше будет поговорить? Так и получилось. Совсем с другим видом подбежала ко мне Лена: «Ой, как у вас интересно!» В пару к Люде я ее и поставила. Такое у нас правило, правда, с недавних пор: ставить ученицу к опытной работнице.

— Да разве не разумеется это само собой?

— Теперь—то да. А прежде... Вы ведь видели нашу работу. Составить пару даже из опытных работниц—дело подчас мудреное. Мы все друзья, но нельзя сказать, что каждый способен быть напарником каждому. И уж если найдено счастливое сочетание, если к тому же работницы какого лет проработали у одного стола,—каково разрушить этот дуэт ради новенькой...

Чтобы читателю легче было понять, о чем идет речь, сделаем небольшое отступление. Представьте себе ряды высоких столов. На каждом длинная и узкая, не шире двухлитрового бидона, труба. Это и есть статор будущего электродвигателя. Внутри него на всю пятиметровую длину пазы для обмотки. Через них-то, по десять витков на паз, и нужно протянуть провод. Статор мотают две работницы. Действовать они должны быстро и слажен-

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

РАБОТНИЦА

Ежемесячный общественно-политический и литературно-художественный журнал

Основан 8 марта 1914 года

НОЯБРЬ 1976 ● МОСКВА ● ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

но, в четыре руки. Но между ними — «полоса отчуждения», длинное тело статора. Слова тонут в шумном дыхании цеха, так что голосом тут не возьмешь. И все-таки они «переговариваются». Едва заметный кивок. Наклон головы. Взмах рукой. Просто взгляд, смысл которого воспринимается мгновенно и точно. Этому не учат ни на курсах техминимума, ни в ПТУ. Это получается само собой, если каждый день, ежедневно люди плечом к плечу преодолевают свою дистанцию: за смену нужно уложить 400 метров провода. Один виток к одному, плотно и не перекосив. И не повредив нежную изоляцию провода.

— Значит, вы решились на то, чтобы ради обучения новичков развести, разрушить сработавшие пары?

— Конечно, производительность опытной работницы снижается. Но это временная жертва. Зато качество не страдает. А если оба партнера новички? Некуда деться будет от брака. К тому же опытный партнер помогает новичку встать на ноги уже через несколько месяцев, а не через год-полтора, как бывало прежде.

Когда я пришла на завод, — продолжала Антониды Ивановна, — определили меня в группу из 30 учениц, и на всех одна Зинаида Петровна Лесная, инструктор по обучению молодежи. Замечательная женщина! Очень старалась научить нас уму-разуму. Но ведь на всех одна. Наверное, поэтому учеба нам давалась тяжело. Да и потом, когда я перешла уже в этот цех, тоже было не так, как сейчас. Никаких опекунов: что сам сумел ухватить, тем и довольствуйся. Работал каждый сам по себе. Потом создали бригаду — новая продукция требовала иной организации труда. Меня назначили бригадиром. Почему именно меня? Ну, может, потому, что работала к этому времени неплохо. Может, способности организаторские разглядели. — Антониды Ивановна смущенно улыбнулась и, как бы опасаясь, что ее заподозрят в нескромности, поспешно добавила: — Я отказывалась. Боялась, что никомушным окажусь руководителем. Подведу и начальство и бригаду... Ну вот, похоже, что не подвела, — облегченно рассмеялась Червякова, полагая, очевидно, что самый для нее неловкий момент разговора позади и что подтвердить свое «не подвела» ей, слава богу, не придется.

Действительно, мне было известно о достижениях бригады: стабильно высокая производительность, умение находить самые неожиданные решения ради экономии материалов, бездефектная сдача продукции с первого предъявления. Но не только. Есть в активе этой бригады и нечто другое, без чего, по сути дела, не может быть ни качества, ни стабильно высокой производительности труда, ни экономии, — об этом, собственно, и шел разговор.

Восемнадцать лет бригаде. Согласитесь, немало. За это время человек достигает совершеннолетия. И шагает за порог школы, за порог дома. Выбирает свой путь в жизни. Достигает своего совершеннолетия и бригада, кто-то уходит, а кто-то приходит вновь. И должен, раз уж пришел, зашагать с бригадой в ногу. Должен многому научиться, и его должны многому научить. Не только профессии. Так чему же — многому? Это не тайна. Во-первых, борьбе за время, за график, за экономию. Во-вторых, отвечать за свой труд, работать с гарантией. Третье — постараться найти благородный, человечнейший узелок, связавший сноровку в деле и сложность характеров, взаимоотношений. А вот это уже тайна! И получается, что за нею-то и приехал я в Харьков, на ХЭМЗ, в бригаду Антониды Червяковой.

— Скажите, Антониды Ивановна, а все асы поддержали вас в реорганизации пар?

— Поначалу не все. Это же беспокойство какое — бегать от одного конца статора к другому. И устаешь и нервное напряжение: не дай

бог напутает что-нибудь девчонка! А ты несешь ответственность и за качество продукции и за качество подготовки ученика. Чисто по-человечески я могла понять несогласных. Но оправдать, тем более принять их протест было никак нельзя. Были у нас битвы, как же! Но большинство-то бригады стояло за реорганизацию. Ну и остальные — куда же денешься! — подчинились в конце концов большинству.

— Представляю, какими наставниками, какими воспитателями были эти подчинившиеся...

— Нет, это вы напрасно. Право быть наставником нужно заслужить — у нас так. Двадцать раз подумаешь, прежде чем предложишь, хотя бы и асу, взять ученицу. И дело не только в праве на наставничество. Если уж опытные работницы оказываются не всегда совместимыми, то что говорить о трудностях, связанных с поисками наилучшего (для каждого ученика) наставника! А ведь учеба в паре «наставник — ученик» проходит без отрыва от производства. Вот и перебираешь, тасуешь мысленно, с одной стороны, характер плюс педагогические данные, а с другой — характер плюс восприимчивость к тем или иным способам преподавания. Стараешься найти соответствие. Обычно общий язык мы с новичком находим довольно быстро.

«Мы» — вот это важно подчеркнуть. Потому что пара «наставник — ученик» на виду у всей бригады. И бригаде небезразлично, как идут дела у новичка. Каждый может подойти, что-то подсказать, помочь. Да и наставник не считает зазорным обратиться за помощью. Нет у нас такого: за ученицу отвечаю я, а вы не вмешайтесь. За ученицу отвечает вся бригада... Бывают, знаете, такие новички «крепкие орешки». Но ведь всякий орешек крепок на свой лад — и бригаде сообщать легче разобраться, чем он крепок. Слушает, например, девушка свою наставницу, кивает головой — мол, понимаю, понимаю, а вопросов никаких не задает. Что же за ученица без вопросов? Это настораживает. Думаешь: ну что она молчит? Видишь, что не понимает, о чем идет речь, но молчит. Неинтересно? Или стесняется? Или гордость мешает?

Ох уж эти извечные педагогические загадки! Их и в школе-то или, скажем, в училище разрешать не просто. Но педагогика на производстве сложнее в тысячу раз, потому хотя бы, что осуществляют ее не штатные учителя с дипломами — обыкновенные работницы. И все-таки они разрешают мудреные загадки педагогики, понимая, что иначе не будет ни плана, ни качества продукции, ни всего остального, из чего, собственно, и складывается производство, а самое главное — может не состояться рабочий человек, мастер своего дела, гражданин.

— Сейчас со мной работает Лена Константиныди, моя ученица, — рассказывает Людмила Конева. — Неплохо работает. Но вот начинаем укладывать петли на третьей фазе, и дело стопорится. На первых двух фазах, пока в горле статора посвободнее, мы укладываем петли с помощью деревянного клина. А на третьей фазе клином нельзя, только пальцами. Так быстрее. А главное — клином можно порвать изоляцию провода. Но Лена говорит: «Мне так удобнее. Не могу пальцами, больно...»

Да, видел я эту операцию. Работать приходится, можно сказать, вслепую: поди угадай, как там, в чреве статора, ляжет изоляция, сплца, провод. Лишь опыт помогает «увидеть» то, что недоступно глазу. А действовать? Пальцы должны точно уловить момент, когда начинать резкое, по-мужски сильное движение, а когда оно должно быть мягким, чутким, настроженным... Намотка статора — это как искусная вышивка медной нитью. Искусная, иначе нельзя. Чтобы потом, в деле, в нефтедобыче эта медная нить не отказала, не подвела, поработала, как говорят, с гарантией...

— ...Конечно, болят пальцы, — продолжает Конева. — У всех болят с непривычки. Нужно приучить их к работе. Говорила я это Лене. А она — все клином, все клином. Так и хотелось иногда крикнуть: «Да поймешь ты наконец, что ты делаешь!» Но криком разве убедишь?.. И тогда ей сказала: «Принимаешь, Ленок, если ты немножечко попортишь изоляцию, этого на испытательной станции не обнаружат. И даже на нефтепромыслах, когда насос с нашим двигателем опустят в скважину, он какое-то время поработает. Но в один прекрасный день сгорит. Хотя по гарантии — по нашей, Лен, гарантии — ему еще работать и работать. Представь себе: нефтепромысел, кругом тундра, там, может, ни запасных частей, ни специалиста-ремонтника поблизости. Скважина бездействует. И бездействует не по вине нефтяников, Лен, а по твоей. Хорошенького мнения будут нефтяники о нашей бригаде, о нашем заводе, когда откроется причина неисправности...»

«Произошел сдвиг», — удовлетворенно отметила Людмила Конева. Сдвиг в сознании новичка, повлиявший на приемы его работы. Но необходимо отметить и другой результат, относящийся уже не только к работе, к ремеслу. Может быть, впервые в своей жизни Лена Константиныди почувствовала себя гражданином! То есть человеком, которого заботит не только его место, его роль в бригаде, но его место, его роль в обществе. Так зарождается, формируется, крепнет важное качество — социальная активность. Воспитать в новичке это качество — предмет особых педагогических устремлений бригады Червяковой.

Когда-то, на первых порах, наставником была только Червякова. Окрепла бригада. Стали наставниками асы. Их воспитанницы — Альвина Минакова, Людмила Конева, Людмила Воронова — словом, добрая половина нынешнего состава бригады. Потом и у них появились ученики — Нина Дмитриева, Лена Константиныди, Наташа Протопопова... Теперь, помимо наставников и учеников как таковых, существует еще и тонкое, своеобразное наставничество друг друга. Взаимное, так сказать, наставничество. Взаимопомощь, взаимовыручка, взаимобогащение — и в профессиональных рамках и вне рамок, личностное. А что это значит? Культпоходы в музеи да театры? Вылазки за город? Да, и культпоходы, и вылазки, и «чашки чая» — словом, что угодно, только бы, как говорится, не ради благополучного отчета на профсоюзном собрании, а свидетельствовало бы о естественной потребности людей быть вместе, о взаимоотношениях, определяемых прежде всего тонкими понятиями, такими, как чувство коллективизма, чувство семьи. Вот тут и лежит начало гражданственности, немислимой без искренней заинтересованности всех в судьбе каждого, без сопереживаний, без готовности прийти на помощь, опережая просьбу о ней. Именно такие создаются взаимоотношения в бригаде Антониды Червяковой. Не уже сложились, а складываются, создаются, потому что процесс этот непрерывен.

Но уже возникла (тут уместна именно утвердительная интонация) бригада-мастер — умелая, инициативная, в активе которой не только отлично исполняемые производственные задания, но и множество осуществленных идей, изменивших технологию, открывших новые ресурсы экономии.

Сейчас на обмоточном участке — время больших перемен. Идет «перемонтаж» рабочих мест. Это тоже идея бригады. Впрочем, только ли идея? Нет, и конкретный план переустройства участка, плод коллективной заинтересованности, коллективных размышлений. К этому живому, творческому делу удалось привлечь многих молодых работниц. Червяковой это доставляет особую радость. И может ли не радоваться она, природный воспитатель юных, их товарищ по труду — лауреат Государственной премии Украины, делегат XXV съезда партии Антониды Ивановны Червяковой...

Сын вернулся поздно, и Андрей Андреевич услышал, как он осторожно накиннул цепочку на входную дверь и прошел в свою комнату. Но если он слышал, как сын открыл дверь, то жена Ирина Михайловна, мать Всеволода, услышала его шаги еще тогда, когда он только поднялся по лестнице, у нее был слух матери...

Андрей Андреевич дружил с сыном, у них всегда было взаимопонимание, и хотя сын пошел по другой дороге, чем хотел он, отец, старый московский врач, — поступил в театральную школу, понравился приемной комиссии своим красивым, несколько с качаловскими интонациями, голосом... ну, что ж, не так-то плохо хотя бы только походить на Качалова.

Обычно, вернувшись даже поздно, Всеволод заходил к отцу, если тот еще не спал, и они с полчаса беседовали. Но за последнее время сын стал избегать бесед, которые могли коснуться многого, и Андрей Андреевич понимал, что это многое уже подросло и следует принять его, если только оно не содержит в себе чего-либо противоречащего порядку жизни.

У жены было слабое сердце, она больше полеживала с вязаньем или книгой в руках, и Андрей Андреевич старался, чтобы все в их доме было мирно. А теперь вырос сын, готовился стать актером или режиссером, и сложный театральный мир раскроется перед ним.

— Нам с тобой, Ириша, обижаться нельзя, — сказал он однажды. — У Севы хотя иногда и бывают заскоки с его характером, но малый он славный, и можно надеяться на него.

И он в вечерних, а иногда и в ночных беседах делился с сыном тем, что и для самого себя считал необходимым. Прежде всего — самодисциплина в отношениях с людьми.

Но мать все чувствовала по-своему и даже по шагам сына еще на лестнице знала, возвращается ли он довольный чем-нибудь или озабоченный, а в последнее время все чаще бывал как бы чем-то подавлен. Тоже ощущая это, Андрей Андреевич спросил однажды: «Ну, как у тебя?» Всеволод ответил: «Нормально», — и хотя понятие «нормально» ничего, по существу, не означало, Андрей Андреевич принял это ради покоя в доме.

Все лето до поздней осени жена жила на даче, Всеволод, у которого уже начались занятия в театральном училище, приезжал редко, но теперь в городе он был нужен Ирине Михайловне каждый день, и она ждала его шагов по лестнице даже тогда, когда Андрею Андреевичу казалось, что она давно спит...

А насчет того, что уже месяц назад насторожило его, он ничего не сказал жене.

Сын неслышно прошел в свою комнату, Андрей Андреевич ждал, когда он зайдет к нему, но сын не зашел, и Андрей Андреевич отложил книгу, которую читал перед сном, и прошел к двери комнаты сына.

— Севка! — позвал он.

Сын сначала не ответил, а потом спросил:

— Ты что, папа?

И Андрей Андреевич зашел в его комнату.

— Сегодня был показ по классу Самарова, — сказал Всеволод сразу, — играли, правда, со срывами, но в общем ничего.

Однако Андрей Андреевич хотел услышать не про то, как играли ученики народного артиста Самарова.

— Вот что, Севка, — сказал он, присаживаясь на край его постели. — Только не говори мне этого канцелярского слова «нормально». У тебя не в порядке что-то, я это чувствую, мы с тобой мужики, можем сказать друг другу все.

Красивое, уже как-то по-актерски определенное лицо сына стало вдруг твердым, он даже чуть приподнял голову с подушки:

— С чего ты взял, папа? Просто приходится иногда задерживаться, будем ставить отрывок из «Пигмалиона» Шоу... я играю профессора Хиггинса.

— Шоу — это ладно, — сказал Андрей Андреевич помедлив. — Мне бы Всеволода Ракитникова послушать.

— Приходи, когда будем показывать отрывок, посмотришь меня.

И то, что отдалило сына за последнее время, пошло еще больше вкось, но Андрей Андреевич не стал ни на чем настаивать, однако к его душевной тревоге присоединилось еще и нечто не только ощутимое.

Из старого московского дома, в котором Андрей Андреевич жил с женой и сыном, многие уже давно переселились в новые квартиры, но кое-кто, как и он, не захотел менять на большие удобства старые привычки к этому покато уходящему к Москве-реке Второму Обыденскому переулку. Раньше вместе с женой, а потом и один любил он выйти перед сном на тихий Гоголевский бульвар, походить по его аллеям, особенно вечером, особенно осенью, и ни на какой новый район не хотел менять это, да и до места его работы, Второго медицинского института, было недалеко.

Не захотела переезжать и жившая с дочерью в том же подъезде, только этажом ниже, кроткая, тихая женщина Серафима Васильевна Касперова, много лет работавшая техническим редактором в одном из научных издательств. Ее дочь Ася училась вместе с Всеволодом в одной школе, оба одновременно окончили ее, и, встречаясь не раз на

Рисунок И. УШАКОВА.

НОЧНОЕ ДЕЖУРСТВО

лестнице с этой скромной, похожей на свою мать девушкой, с прямым, несколько старомодным пробором в русых волосах и чистыми, серыми глазами, Андрей Андреевич всегда любовался ее какой-то притупленной прелестью.

С Серафимой Васильевной дружила и жена, и вся незадававшаяся горестная жизнь этой женщины прошла на глазах у них: муж Серафимы Васильевны рано умер от болезни почек, да и жил последние годы с одной почкой, а вторую давно удалили. После смерти мужа все, что было в душе Серафимы Васильевны, она перенесла на дочь, ее жизнь была теперь в ней, и нельзя было даже представить себе, что Ася выйдет когда-нибудь замуж и они с матерью разлучатся.

Где-то втайне и жена и он сам подумывали, как хорошо было бы, если б сын женился на этой девушке, а возможно, и Серафима

Васильевна хотела бы этого: все-таки их семьи были близки, Всеволода она знала еще подростком.

Как-то за вечерним чаем, когда они были одни, Ирина Михайловна сказала прямо:

— Я для Севы ничего лучшего, чем Ася, и не желала бы. Правда, она не модница, слишком простенькая в сравнении с театральными девушками. Но, Андрюша, ведь это такая добрая простота, такая нужная!

Однако Андрей Андреевич счел нужным сказать:

— Ничего не следует навязывать... Севка уже взрослый, как-нибудь и без нас с тобой справится.

И они не касались больше этого.

Но, возвращаясь однажды из института, Андрей Андреевич увидел выходящими из кинотеатра сына именно с этой девушкой и поразился, что, может быть, и сбудется то, чего они с женой хотели.

Несколько дней спустя сын, вернувшись пораньше, зашел к нему в его рабочую комнату, порассказал сначала о театральных делах, потом спросил вдруг:

— Пап, где работает сейчас Александр Николаевич Звенигородцев?

— Звенигородцев? Почему ты вспомнил о нем? — удивился Андрей Андреевич.

— Прежде он часто бывал у нас.

— Маме сейчас трудно с гостями, — вздохнул Андрей Андреевич.

Звенигородцев, с которым Андрей Андреевич учился вместе, избрал своей специальностью гинекологию, а он, Ракитников, ушел в хирургию, написал книгу о хирургических операциях при сердечно-сосудистых заболеваниях, книга вышла в издательстве, где работала Серафима Васильевна Касперова, и ее имя технического редактора стояло среди выходных данных.

Однако то, что сын вспомнил почему-то о Звенигородцеве, сначала лишь удивило, а потом и насторожило Андрея Андреевича: как все люди с большим опытом, к тому же привыкший логически мыслить, Андрей Андреевич испугался того, о чем подумал.

Впоследствии, возвращаясь к выводам, которые сделал тогда, он в обратном порядке вспомнил и все то, что этому предшествовало.

Придумав вскоре повод повидаться с Серафимой Васильевной, он зашел к ней по какому-то внутреннему, для самого себя еще не проверенному чувству. Она открыла ему дверь, удивилась: «Андрей Андреевич!» — чуть растерялась, но он с некой беспечностью сказал:

— Пришел молодой автор за справкой... Просветите меня, Серафима Васильевна, что означает подсчет учетно-издательских листов?

Серафима Васильевна разъяснила, что означает этот подсчет, и Андрей Андреевич все добросовестно записал в записную книжку.

— Вы, что же, в одиночестве? — спросил он.

— Асенька денюшка на два уехала к подруге в Крюково.

И что-то столь жалкое появилось на миг в ее взгляде, но, может быть, он, Андрей Андреевич, лишь вообразил это...

— Подпишу теперь договор с толком, и если и эту книгу поведете вы, мне будет приятно увидеть на ней ваше имя.

— Спасибо, Андрей Андреевич, — сказала она тихо, казалось, хотела еще что-то добавить, но лишь повторила: — Спасибо.

Дома, плотно прикрыв дверь в свою комнату, он позвонил по телефону Звенигородцеву, подошла его жена, и Андрей Андреевич сказал:

— Говорит великий грешник Ракитников... сто лет собираюсь к вам, Антонина Сергеевна, и все не выберусь, а следовало бы нам повидаться!

Антонина Сергеевна работала прежде медицинской сестрой, познакомилась со своим будущим мужем в больнице, и Ракитников усмехался не раз:

— Началось с медицинского обхода, а потом температура поднялась, пришлось бежать в загс.

Звенигородцев, размахивая, с длинными руками, с копной волос, не уместившейся ни под какой шляпой, чем-то напоминал тех несколько семинарского типа врачей прошлого, которые прославили русскую медицину.

— У Саши сегодня дежурство, — сказала Антонина Сергеевна, — позвоните ему в больницу, он будет рад. И приходите, Андрей Андреевич, право, нехорошо, приходите!

Она дала ему номер телефона больницы, и Андрей Андреевич позвонил Звенигородцеву. Он сразу же предупредил, чтобы тот не очень удивлялся упавшему с неба Ракитникову, но есть одно дело, и нужно срочно хотя бы на несколько минут повидать его.

— Приезжай, Андрей Андреевич, я предупрежу, чтобы тебя пропустили.

Больница находилась в другой части города, в новом микрорайоне, коридоры в этот вечерний час были уже пусты, только дежурные медицинские сестры сидели у своих постов, с зажженной лампой на столе, и скорбь сжала его сердце.

Они не виделись несколько лет, сначала порасспрашивали друг друга о семейных делах: две дочки Звенигородцева, две красные девицы, обе уже в институте, одна — в геологоразведочном, другая увлеклась искусствоведением... замуж вскорости выходят, наверно, так что готовься к девческому званию.

— А у тебя как? — спросил Звенигородцев, пылливо поискав его глаза за стеклами очков.

— Жена болеет, стенокардия, всегда нужно быть настороже. А сын... — Андрей Андреевич хотел было сказать, что сын учится в театральном училище, но сказал вместо этого: — Мой сын и привел меня к тебе, Александр Николаевич... с этого и начну весьма щекотливый разговор с тобой. Прежде всего — обращался ли к тебе с чем-нибудь мой сын?

Звенигородцев помолчал.

— Ты хочешь, чтобы я нарушил врачебную тайну?

— А все-таки?

— Он был у меня.

— И я предполагаю повод, зачем он был у тебя.

— Тем лучше... тогда можно и без вопросов.

— Послушай, Александр Николаевич, дело касается моей чести и совести... если к тебе обратится некая Анна Касперова, а для меня — Ася, я знал ее девочкой, извести меня тотчас же.

Звенигородцев мельком проглядел какую-то сводку на своем столе.

— Не знаю, ту ли ты имеешь в виду, но Анна Николаевна Касперова поступила к нам сегодня.

— Как же оно подсказало мне! — И Андрей Андреевич похлопал себя по левой стороне груди, где больно вдруг стиснуло. — Я могу увидеть ее?

— Прием с двух часов завтра.

— А не опоздаю?

И они посидели еще, оба чуть отдуваясь, оба — врачи, оба — отцы.

...Еще не было двух часов, но в приемной уже дожидались женщины с передачами, сразу же, как только начали впускать посетителей, заторопились на второй этаж, а Андрей Андреевич попросил дежурную няню вызвать из девятой палаты Касперову.

И он увидел Асию, в темно-красном байковом халатике, столь пораженному его появлением, что кинулась было обратно.

— Не удивляйтесь, что я отыскал вас, Асенька... но мне совершенно необходимо сказать вам кое-что.

И она, испуганная и подавленная, последовала за ним в сад.

— Прежде всего пришел в моем лице как бы ваш отец, — сказал Андрей Андреевич, когда они сели на дальней скамейке, — пришел сказать: оставьте все, как есть... не знаю, как сложится у вас дальше с Всеволодом, но три человека будут всегда рядом с вами: ваша мать и я с моей женой... вот вам моя рука — вы никогда не раскаетесь.

Она сидела, низко опустив голову, ничего не ответила, вдруг поднялась, и, посмотрев вслед ей, потерянной и похожей на девочку, Андрей Андреевич не решился остановить ее.

А час спустя он уже был в своей клинике, рабочий день пошел своим чередом, и лишь под вечер Андрей Андреевич решился позвонить Звенигородцеву.

— Говорит Ракитников, — сказал он только.

— Ну, что же — порядок, Андрей Андреевич. Я тоже отсоветовал, по полной медицинской да и отцовской совести.

И Андрей Андреевич подержал еще минуту в руке уже немую телефонную трубку.

Внизу, у вешалок, сидела старая гардеробщица Клавдия Ксенофонтовна, знавшая почти два поколения врачей, а за большим окном золотели еще не облетевшие липы, которые Андрей Андреевич помнил, когда их высаживали.

— Липки-то наши как вымахали! — сказал он.

— Растут, они — вверх, а мы — вниз, — ответила Клавдия Ксенофонтовна, потерявшая в войну двух сыновей.

— И мы с вами еще немножко потянемся кверху... а вывод сам напрашивается.

И Клавдии Ксенофонтовне, видимо, понравилось, что он сказал так.

— Что ж, я не против, если сам напрашивается.

Андрей Андреевич не стал дожидаться троллейбуса, а пошел пешком по Большой Пироговской, в конце улицы Кропоткина купил на площадке несколько пышных пионов, шел затем с цветами, остро вспоминая вдруг тот далекий день, когда так же с цветами подошел к подъезду родильного дома в Леонтьевском переулке, а отнеся цветы и записку няни сказала, вернувшись:

— С вас причитается — сын.

И Андрей Андреевич вспомнил еще тускло освещенный вестибюль больницы, в которой нес ночное дежурство Звенигородцев, и то, с чем пришел к нему, и темно-красный байковый халатик Аси...

— Еще потопаем, Андрей Андреевич, — сказал он себе, поднимаясь по лестнице своего подъезда. — Еще потопаем!

Жена сидела в низком, глубоком кресле, в котором в последнее время все чаще посиживала, держала в руках книгу с заложенными в нее очками, и Андрей Андреевич, как в былые годы, поднес ей цветы.

— Чудно! — сказала она, глубоко вдохнув их запах. — Какой же ты еще молодец, Андрюшенька!

И Андрей Андреевич молодцевато провел ребром указательного пальца по своим седым усикам:

— Потопаем еще... сегодня у меня никакого ревматизма, так что потопаем еще!

А вечером он зайдет к Серафиме Васильевне, спросит между делом, вернулась ли Ася из Крюкова, и, если Ася уже дома, поинтересуется: наверно, разрослось Крюково, став городом-спутником. А Серафиму Васильевну попросит разъяснить еще кое-что, чего он не допоял в издательском договоре.

Иностранцы туристы, которые побывали в последние месяцы в Испании, будут вспоминать не только лихую корриду на мадридской Пласта де Торос, зажигательные танцы Андалузии и бирюзовые волны Средиземноморья. В их памяти сохранятся и нечто иное. Нынешнее лето было особенным. С весны по испанским городам катились волны рабочих выступлений. Наполняя улицы душераздирающим воем, носились серые фургоны «полисиа армада» — военизированной полиции и джипы карabinеров. Жандармы с оружием наперевес бросались навстречу демонстрантам. Закипали схватки, гремели выстрелы.

Время от времени испанские газеты выходили с траурными рамками, потому что оружие полицейских было заряжено отнюдь не холостыми патронами. Газеты спрашивали, кто дал право жандармам стрелять в людей. Правительство чиновники отмалчивались или приносили формальные извинения за очередное «досадное недоразумение».

В марте после расстрела демонстрации в городе Витория и гибели трех рабочих полиция на время притихла, пережидая, пока уляжется возмущение. Испания напоминала потревоженный улей. Давать объяснения в Виторию поехал сам министр внутренних дел, но его заявления никого не удовлетворили.

Бастовали шахтеры Астурии и строители Мадрида, металлисты и школьные учителя, почтальоны и водители грузовиков. Телетайпы отстукивали сообщения, напоминающие военные сводки:

мнимой демократизации, к легализации политических партий, к освобождению всех политических заключенных.

В середине лета пал кабинет Карлоса Ариаса Наварро, одного из сподвижников генерала Франко по фалангистскому движению. Западные газеты писали, будто падение правительства произошло «неожиданно». Ничего подобного. Оно было подготовлено всем ходом событий. Правительство не выдержало давления снизу, ему не удалось ввести в заблуждение миллионы испанцев половинчатыми реформами. Оно позволило проводить политические мероприятия оппозиционным партиям, но в то же время жандармы с прежней жестокостью нападали на участников демонстраций и митингов, били, стреляли, крушили. В один из летних дней полицейские с помощью брандспойтов разогнали мирную демонстрацию двух тысяч мадридских медсестер. В двенадцати испанских провинциях полиция с переменным успехом сражалась с демонстрантами. Давление снизу не прекращалось.

Чтобы его несколько ослабить, новое правительство провело амнистию. Часть политических заключенных увидела свет свободы. Власть позволили возвратиться на родину многим — опять же не всем! — политэмигрантам. Ряд руководителей компартии, среди которых пламенная патриотка Испании Долорес Ибарури, так и не получили разрешения ступить на родную землю.

Демократическая оппозиция внимательно следила за деятельностью нового кабинета

цены коммунисты. Премьер не уточнил также, как новый парламент будет действовать. Ведь до сих пор правительство не отказалось от франкистских законов. Это значит, намеченные изменения будут проводиться с постоянной оглядкой на так называемый бункер, под которым в Испании подразумевают группу наиболее консервативных генералов и политиков прежнего режима.

В конце сентября телетайпы информационных агентств из Мадрида разнесли сенсацию: смещен со своего поста заместитель премьер-министра генерал Фернандо Сантьяго-и-Диас Мендивиль, сторонник жесткого курса и старых форм правления. Его кресло в салоне совета министров занял более либеральный деятель Мануэль Гутьеррес Мельядо. Эту замену расценили как уступку властей демократической оппозиции. Она произошла незадолго до всеобщей забастовки в стране басков, проведенной по случаю первой годовщины со дня казни пяти баскских патриотов. В знак солидарности с трудящимися этой северной провинции Испании стачку провели рабочие и служащие многих других городов. В стремлении погасить напряженность министр внутренних дел Родольфо Мартин Вилья позволил вывешивать баскский флаг. Он запретил полиции использовать огнестрельное оружие — стрелять лишь в чрезвычайных случаях. Между тем испанские города продолжали бурлить. Левые партии заявили, что будут бороться за освобождение всех без исключения политических узников. Вполне логично было их требование упразднить законы, на основании которых проводятся аресты. В противном случае, писали газеты, тюрьмы снова заполнятся арестантами — зачем тогда амнистия?

В ходе классовых боев накапливался опыт и росло самосознание трудящихся. Их уже нельзя напугать призраком прошлого, мрачными напоминаниями о том, что за годы правления каудильо погибло 192 тысячи его противников.

Оппозиционные партии перегруппировывают свои силы, укрепляют единство внутри блока Демократическая конфедерация, в котором видную роль играют коммунисты. Испанских коммунистов не сломили травля и тюрьмы, не испугали пули жандармов. Сейчас даже далекие от симпатий к левым буржуазные органы печати признают, что Компартия Испании — одна из самых влиятельных оппозиционных организаций в стране. Но правительство отказывается ей в признании.

Власти не позволяют выйти из подполья рабочим комиссиям — профсоюзам, созданным в противовес легальным, так называемым вертикальным синдикатам, боссы которых зарекомендовали себя преданными слугами режима. Рабочие комиссии — самая массовая организация в Испании. Они поддерживают не только экономические требования трудящихся, но и выдвигают политические лозунги. Правительство их травит, но предприниматели порой проявляют больше реализма и ведут переговоры с лидерами подпольных профсоюзов: понимают, что от них многое зависит.

Признанный лидер рабочих комиссий Мерселино Камачо (в прошлом фрезеровщик) из своих 58 лет 14 провел в фашистских концлагерях. Его судьба как бы символизирует путь, пройденный испанским рабочим движением за последние десятилетия. Этот человек с совершенно седой головой, покидая в очередной раз столичную тюрьму Карабанчель, сказал: «Совершенно ясно, что мы будем бороться дальше. Нам нужна свобода по двум причинам. Во-первых, потому, что мы люди. Во-вторых, потому, что мы рабочие и должны защищать себя».

...Испания медленно и болезненно расстается с прошлым. Миллионы испанцев убеждены, что будущее принесет им лучшую жизнь, и борьбе за это будущее отдают свои силы.

ИСПАНИЯ: ВРЕМЯ БОРЬБЫ И ТРЕВОГ

«Рабочие строят баррикады в центре города Витория, а отборные подразделения бригад по борьбе с беспорядками пытаются захватить эти «стратегические пункты»...

«Полиция арестовала одну из наиболее известных в стране актрис, Лолу Гаос, и двух юристов после того, как они посетили собрание рабочих в Аранхуэсе»...

В июле в городе Сантурсе прогремел еще один роковой выстрел. До того дня мало кто знал имя Бегонии Менчака, матери троих детей. Она вышла с тысячами других мужчин и женщин на антифашистскую демонстрацию: жандармы открыли огонь — пуля выбрала ее. Имя Бегонии Менчака стало одним из символов борьбы, символом мужества и мученичества ради счастливого будущего Испании.

Страна бурлила. Забастовщики добивались не только улучшения своего материального положения — их не устраивала сама структура политической власти, они требовали ее перестройки. Они призывали к настоящей, а не

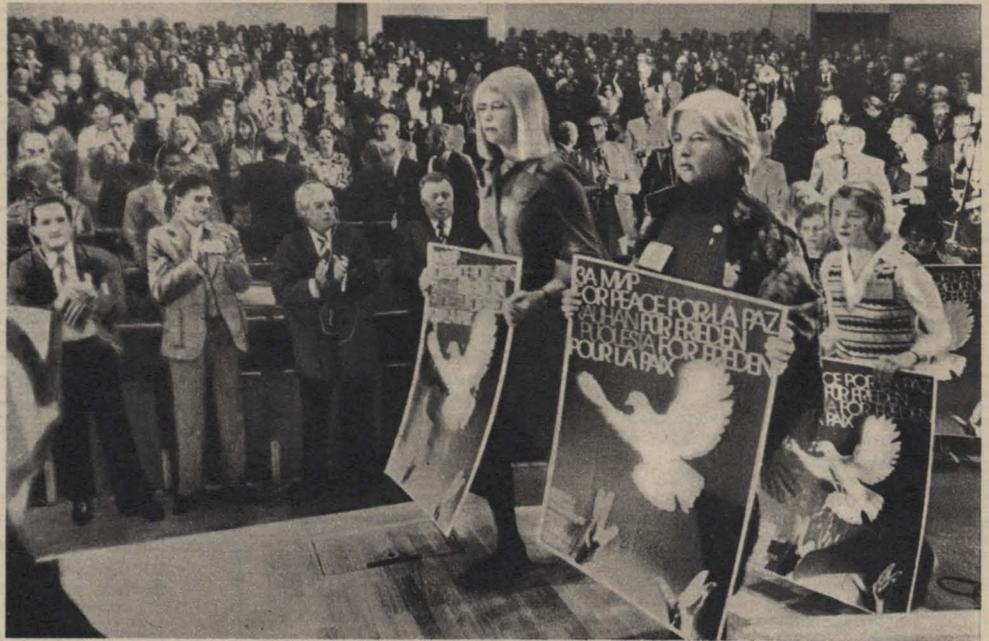
министров, который западная печать охарактеризовала как менее консервативный. Газеты сообщали, что премьер, 43-летний Адольфо Суарес Гонсалес, снял в салоне совета министров портрет каудильо Франко и на его место повесил портрет короля. По словам журнала «Пари-матч», Франко незадолго до смерти сказал Адольфо Суаресу Гонсалесу: «Нужно, чтобы вы восстановили демократию». Однако миллионы испанцев продолжали настаивать на установлении не той демократии, которая мерещилась доживавшему последние дни диктатору, а настоящей, и продолжали за нее бороться. Они требовали полного разрыва с франкистским прошлым.

В середине сентября премьер-министр выступил по радио и телевидению с проектом реформ. Он пообещал до июня будущего года провести выборы в двухпалатный парламент, который заменит нынешние кортесы. Однако политические наблюдатели сразу же отметили, что к «всеобщим выборам» не будут допу-

В. ЛАПСКИЙ

ГОНКА ВООРУЖЕНИЙ ДОЛЖНА БЫТЬ ПРЕКРАЩЕНА!

Г. ЛОКШИН,
секретарь Советского
комитета защиты мира

Хельсинки. На Всемирной конференции за прекращение гонки вооружений, за разоружение и разрядку.

Телефото АП—ТАСС.

Осень нынешнего года насыщена событиями высокого политического накала, свидетельствующими о стремлении людей доброй воли сделать мир на земле длительным и прочным. Общественные миролюбивые силы требуют принятия конкретных мер по прекращению гонки вооружений и разоружению.

Советский Союз выступил с новыми важными предложениями на XXXI сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Они отражают существо ленинской политики мира, нашедшей яркое воплощение в решениях XXV съезда КПСС, в его программе дальнейшей борьбы за мир и международное сотрудничество. Широкий положительный отклик вызвал проект «Всемирного договора о неприменении силы в международных отношениях», внесенный СССР для обсуждения на Генеральной Ассамблее. Подкрепляя и усиливая другие международные документы о неприменении силы, такой договор явился бы надежной гарантией безопасности всех народов, всех стран.

Советский Союз представил также на рассмотрение сессии Генеральной Ассамблеи меморандум по вопросам прекращения гонки вооружений и разоружения.

Благородные цели, провозглашенные в новых советских предложениях, близки и понятны всем народам. Это показала и состоявшаяся в конце сентября в Хельсинки Всемирная конференция за прекращение гонки вооружений, за разоружение и разрядку.

В столицу Финляндии прибыли свыше 500 представителей общественности более 90 стран, видные деятели 50 международных организаций. По составу участников и по разнообразию представляемых ими политических и общественных сил конференция в Хельсинки, бесспорно, была одним из самых крупных и представительных форумов.

От первого и до последнего дня конференции, на ее пленарных заседаниях, в комиссиях и на встречах за «круглым столом», в кулуарах — повсюду чувствовалась оживленная, оптимистическое настроение делегатов и гостей. В его основе было понимание важных позитивных сдвигов, происшедших в последние годы во всей международной обстановке, ощущающие мощи и размаха всемирного наступления сил мира и прогресса. В зале постоянно чувствовалась уверенность людей в своих силах, убежденность в том, что гонку вооружений не только необходимо, но и можно остано-

вить, если объединить в борьбе против нее усилия всех людей доброй воли.

Необходимо сказать о существенном вкладе, который внесли в работу конференции представители международных и национальных женских организаций. Среди них были многие широко известные деятельницы международного демократического женского движения, в том числе член ЦК Компартии Кубы, председатель Федерации кубинских женщин Вильма Эспин, министр социальных дел Гвинейской Республики Ж. М. Сиссе, видный государственный деятель Финляндии Пикко Тюбляярви, член Президиума ГКП Марта Бушман, председатель Комитета советских женщин Валентина Николаева-Терешкова и многие другие. В рамках конференции состоялась встреча за «круглым столом» под девизом «Женщины в единых действиях за мир и разоружение», где была намечена широкая программа конкретных действий, включающая, в частности, энергичную подготовку к проведению в 1979 году Международного года детей.

Выступления участников развернули широкую панораму активных действий общественности против гонки вооружений, за сокращение военных бюджетов. Работа конференции совпала по времени с началом решающего этапа в проведении всемирной кампании по сбору подписей под новым Стокгольмским воззванием. Его уже подписали свыше 200 миллионов человек. И в день закрытия конференции представители общественности Финляндии под бурные овации зала торжественно вручили председателю подписи почти одного миллиона граждан своей страны, поддержавших призыв Стокгольмского воззвания: «Остановить гонку вооружений! Сделать разрядку необратимой!»

Конференция продемонстрировала возросший уровень зрелости общественного сознания, реальное и глубокое понимание всех аспектов такой сложной проблемы нашего времени, как разоружение. Представители общественности убедительно и аргументированно разоблачали противников разрядки и разоружения, показывали отрицательное воздействие продолжающейся гонки вооружений на отношения между странами, на развитие взаимовыгодных экономических связей и научно-технического сотрудничества.

Общий вывод участников дискуссии состоит в том, что рост вооружений оказывает дезорга-

низирующее воздействие на экономику, стимулирует развитие инфляции, наносит серьезный ущерб жизненному уровню народных масс, тормозит удовлетворение насущных социальных потребностей. По оценкам авторитетных ученых, гонка вооружений стала сегодня таким же невыносимым экономическим бременем, каким в прошлом была сама война.

Главное социальное последствие наращивания военной мощи состоит в том, что создается политический и психологический климат для развязывания войн как выхода из кризисных международных ситуаций. Нельзя всерьез предвещать опасность войны, не осуществив кардинальных мер по разоружению. А разве существует что-нибудь страшнее этой опасности для народа любой страны? В мировой термоядерной войне сгорит жизнь сотен миллионов людей, сама цивилизация.

Нам, советским участникам конференции, было отродно отмечать широкое одобрение и поддержку конкретных инициатив в области разоружения, выдвинутых Советским правительством. С большим интересом было встречено выступление на пленарном заседании главы советской делегации академика Е. К. Федорова, который подчеркнул, что ответственность нашей страны приветствует и поддерживает действия различных отрядов миролюбивых сил, направленных на осуществление мер по ограничению и прекращению гонки вооружений.

Политические итоги этой конференции выражены в единодушно принятых документах — Декларации, Заявлении в связи с годовщиной Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе и Послании Генеральной Ассамблеи ООН. Все эти документы опубликованы и уже стали достоянием мировой общественности.

Декларация конференции призывает умножить усилия в борьбе за прекращение гонки вооружений, за разоружение и разрядку. Участники конференции подчеркнули неотложную необходимость созыва под эгидой ООН Всемирной конференции по разоружению.

Сегодня миролюбивая общественность все более решительно заявляет о себе как влиятельная интернациональная сила.

Следующей важной вехой на пути борьбы за мир будет Всемирный форум миролюбивых сил, который состоится в январе будущего года в Москве.

На разных меридианах

ТАИЛАНД

В прошлом номере журнала мы рассказывали о Таиланде, 43-миллионной стране на Индокитайском полуострове, демократическое движение которой за три года пребывания у власти гражданских правительств добилось некоторых успехов на пути демократизации жизни и достижения национальной независимости.

И вот сообщение из Таиланда о военном перевороте.

Трагические события начались утром 6 октября в Бангкоке. Около пяти тысяч человек — молодежь и студенты — собрались во дворе Таммасадского университета, чтобы выразить свое возмущение незаконным возвращением в страну бывшего диктатора Танома Киттикачона. Безоружных студентов окружили отряды военизированной полиции с автоматами и гранатами, молодчики из правых профашистских организаций. Более трех часов длилась расправа над студентами. В аудиториях, в аллеях университетских сквериков, на стадионе гремели выстрелы и взрывы. Пули нагоняли тех, кто, пытаясь спастись, бросался в реку Чао Прай, на берегу которой стоит Таммасад. Десятки убитых, сотни раненых, тысячи арестованных.

В тот же день в передаче радиостанции, контролируемой реакционными военными, было сообщено о переходе власти в руки так называемого Совета национальных реформ, который возглавил адмирал Сангад Чалорью, известный своими антикоммунистическими проамериканскими взглядами. Приостановлено действие конституции, распущен парламент, низложен премьер-министр Сени

Прамот и его кабинет, запрещены политические партии.

Во всей полноте вступил в силу антикоммунистический закон, принятый еще во время военной диктатуры. Пытаясь придать своим действиям законный характер, военная хунта приняла решение о формировании нового правительства и назначении на пост премьер-министра Танина Кравиичена, который до недавнего времени был советником в военной организации, занимавшейся «борьбой против коммунистической деятельности».

Сети заговора плелись исподволь. Правая реакция, действующая в стране, пользовалась поддержкой империалистических кругов Запада, не заинтересованных в том, чтобы Таиланд следовал независимым политическим курсом. Материальную помощь правым оказывало ЦРУ. Факты об этом приводит, в частности, французская газета «Юманите». Только в период выборов в Таиланде в апреле нынешнего года ЦРУ израсходовало приблизительно 65 миллионов долларов для организации убийств демократов и поддержки правых тайландских партий. И сегодня многие зарубежные агентства и газеты пишут о причастности ЦРУ к свершению в Таиланде переворота.

Обстановка в стране остается напряженной. Идут аресты и облавы, публично сжигается прогрессивная литература, тысячи людей заключены в концентрационные лагеря.

В этих условиях многие демократические организации уходят в подполье, чтобы продолжать борьбу.

США. Начало учебного года ознаменовалось появлением у зданий школ пикетов бастующих учителей. В первые дни сентября забастовки охватили пять штатов страны: в Буффало (штат Нью-Йорк) отказались работать более трех тысяч преподавателей всех ста городских школ, одиннадцать стачек зарегистрировано в штате Пенсильвания, четыре — в Иллинойсе. Бастовали учителя в городах Сизл и Такома (штат Вашингтон), в Манчестере (штат Нью-Гэмпшир). Согласно подсчетам Национальной ассоциации просвещения, в начале учебного года было зарегистрировано около тридцати забастовок, в которых участвовало более девяти тысяч преподавателей — большинство из них женщины.

Причины недовольства учителей — хроническая нехватка средств на нужды школы и увольнения. Многие муниципалитеты, сокращая ассигнования на образование в условиях инфляции и дороговизны, стремятся «заморозить» заработную плату учителей.

ФРГ. Положение женщин-работниц в ФРГ остается тяжелым. По данным газеты «Вестфеллише Рундschau», их заработная плата в среднем на 25 процентов ниже, чем у мужчин. Но и это приукрашенная картина: как пра-

вило, женщины получают в два раза меньше, чем мужчины за тот же труд.

В период затяжного экономического кризиса и растущей безработицы женщины, как известно, первыми оказываются за воротами предприятий и учреждений; сейчас в ФРГ насчитывается 470 тысяч безработных женщин.

АНГЛИЯ. Несмотря на вступивший недавно в силу закон о равной оплате за равный труд, владельцы предприятий по-прежнему за одну и ту же работу платят женщинам гораздо меньше, чем мужчинам. Судебные же органы под различными предлогами отклоняют иски работниц о нарушении закона и выносят решения в пользу предпринимателей.

Выступая против дискриминации в оплате труда, все лето и осень бастуют работницы лондонского завода по производству запасных частей для автомобилей, принадлежащего американской компании «Трайкоу». «Мы защищаем права не только труженниц этого завода, но и всех английских женщин. И мы полны решимости добиться победы в нашей борьбе», — заявила одна из бастующих в интервью газете «Морнинг стар».

(По материалам ТАСС.)

П

ервое и второе Стокгольмские воззвания — это важные этапы в борьбе за мир.

Я помню, как родилось первое Стокгольмское воззвание. Это были нелегкие для планеты времена: «холодная война» своим мертвящим дыханием охватывала земной шар, а в одной из его точек, в Корее, шла настоящая горячая война, гремели пушки, пылали пожары. За океаном раздавались возгласы тех, кого на родине называли бешеными: они требовали добыть победу с помощью атомной бомбы.

Тучи атомной войны уже сгустились. И вот тогда люди доброй воли более чем из пятидесяти стран собрались в Стокгольмском Доме народов для того, чтобы решительно сказать войне «Нет!». На пленарном заседании было единодушно решено принять Воззвание к народам мира, призвав мыслящее человечество дружными усилиями предотвратить атомную войну.

Я был среди тех 30 человек, избранных Конгрессом, которым поручалось редактирование этого документа, и хорошо помню, как ночью в подвальном кафе Дома народов создавалось это небывалое Воззвание. Каждое слово взвешивалось. Каждая фраза тщательно обдумывалась, редактировалась. Нужно было, чтобы оно, это Воззвание, дошло до сердца каждого человека.

В спорах о редактировании все страшно устали. И тогда председательствующий, великий французский ученый Фредерик Жолио-Кюри, объявил перерыв. Разбудили бармена, потребовали кофе, и в этот момент один из делегатов, активнейший сторонник мира, обладающий весьма ироническим характером, сказал:

— Вот мы тут бьемся над документом, а этот исписанный нами листок бумаги, может быть, не сможет предохранить людей даже от стрелы, пущенной из лука, а не то что от атомной бомбы.

РАЗУМ ПОБЕДИТ БЕЗУМИЕ,

МИР ПОБЕДИТ ВОЙНУ!

Б. ПОЛЕВОЙ,
писатель

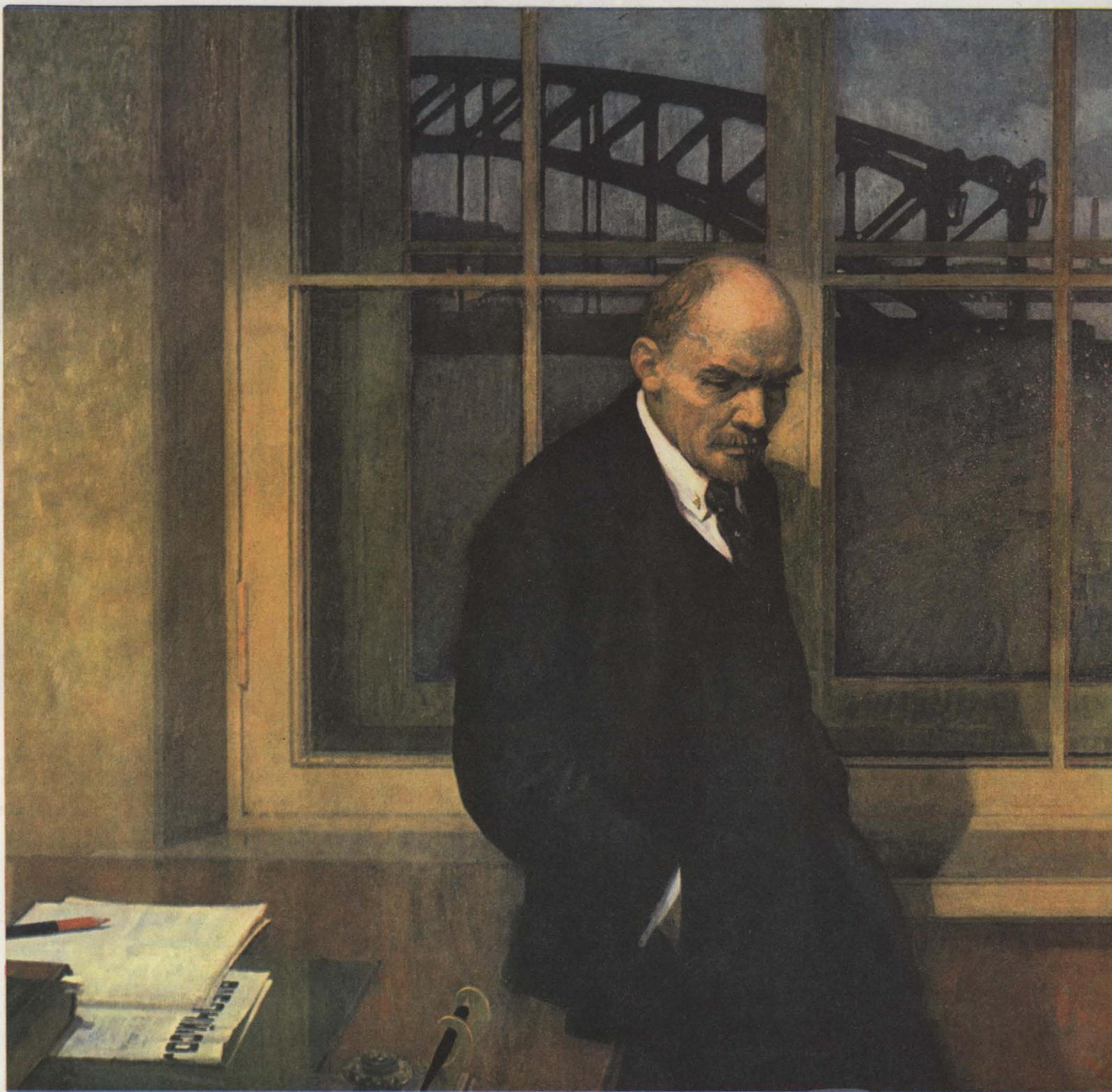
И тогда Жолио, человек страстный, порывистый, резко ответил: — Я был среди тех, кто участвовал в раскрепощении страшной энергии атома, и я скажу, что сейчас нет ничего, что могло бы защитить людей от ужаса ядерных взрывов, ничего, кроме вот того самого листка, над которым мы сегодня трудимся. Воля миллионов людей, которые, как я уверен, — и Жолио стукнул кулаком о стол, — подпишут этот документ, их воля может сейчас быть единственным, что предотвратит атомные атаки.

Как показала история, он был прав, этот великий француз, в своей вере в силу и разум человечества. Не миллион, а миллиард подписей, выстроившихся под Воззванием, стали тем надежным щитом, который предотвратил атомную войну, а может быть, и гибель человеческой цивилизации.

И вот теперь, когда люди в новом Стокгольмском воззвании видят реальную возможность помешать гонке вооружений, видят в перспективе свершение вековой мечты человечества о том, чтобы перековать мечи на орала, а копы на серпы, мы ощущаем приближение победы сил мира и разума над силами военного безумия.

Я человек далеко не молодой, но, признаюсь, волновался, когда ставил свою подпись под новым Стокгольмским воззванием. Ставил подпись, твердо веря в его успех. И теперь все мы уже видим, что такая вера в победу сил мира и разума не напрасна. Миллионы и миллионы подписей, которые легли под документом, столь ярко выражают мнение всех людей доброй воли, что правительства под воздействием общественного мнения своих стран не смогут не откликнуться на этот призыв человечества.

И, как всегда, в авангарде борьбы за мир на новом ее этапе находятся советские люди, Советское правительство, идут коммунисты всего мира. И одно это уже является несомненным залогом того, что разум победит безумие, мир победит войну.

В. И. ЛЕНИН. РАССВЕТ. Художник А. ЛЕВИТИН.

Снимки на обложке номера, вкладке и на следующих страницах рассказывают о трех поколениях дружной семьи Параниных, о городе Нижнекамске, где они живут, и нефтехимическом комбинате, на котором многие из них работают.

● На обложке — Надежда Салахова, дочь Федора Ивановича и Татьяны Ивановны Параниных. Она электрослесарь. На этой вкладке:

● Проспект Строителей.

● Татьяна Паранина начала свой трудовой путь на комбинате курьером.

● И взрослым приятно вспомнить детство.

Расти,

Ф. Б. Багаутдинов.

Нижнекамск!

Фото Н. МАТОРИНА.
М. ТУЗОВА.

— Все были на выставке цветов? — таким вопросом начал очередную планерку председатель горисполкома Фарид Бадретдинович Багаутдинов.

Выставки в Нижнекамске проводятся с самого рождения города, они стали для него ежегодным августовским событием. Участвуют в этих выставках все детсады, школы, жэки. И это характерно для Нижнекамска, потому что он так и замышлялся: город-сад.

Председатель энергично переходит к вопросам «прозаическим»: о готовности теплотрассы города к зиме, о снабжении Нижнекамска овощами, о проведении рейда по освещению улиц.

Улиц семнадцать. И это совсем немало, если в городе нет ни одного захудалого домика и высится он девятиэтажными домами. Пятнадцать лет назад здесь были лес и поле. Но в крае нашли залежи нефти, и решено было строить нефтехимический комбинат.

Генеральный план Нижнекамска создавался ведущей проектной организацией страны в области градостроительства — Институтом проектирования городов. Этот план получил на ВДНХ золотую медаль. Архитекторы считают, что в нем последовательно соблюден принцип социалистической гуманности.

Строительство города шло в ногу с сооружением комбината, этого воистину гиганта нефтехимии.

«Химия? А как там дышится в городе?» — обычный настороженный вопрос. Я рада свидетельствовать: дышится прекрасно!

Из нескольких изученных площадок для города выбрали ту, где наиболее благоприятными оказались санитарные прогнозы. Лес и река, стражи чистоты и свежести, обрамляют Нижнекамск. Комбинат расположен в почтительном отдалении, на расстоянии пяти километров. По розе ветров преобладающие ветры дуют по этому широченному «коридору», разделяющему комбинат и город. Комбинат к тому же построен на взгорье, следовательно, удален от города еще и в высоту.

Нижнекамск создается на свободной территории, архитекторы не связаны старыми постройками. Поэтому здесь неограниченно можно применять современные градостроительные приемы в планировке города. По генеральному плану он будет состоять из десяти жилых районов, в каждый из которых входят три — пять микрорайонов, группирующихся вокруг парков. Во всех районах свои торговые центры, дома культуры, кинотеатры, комбинаты бытового обслуживания, спортивные комплексы. Строго соблюден принцип — не более полукилометра ходьбы детям от дома до школы и не более трехсот метров до детского сада.

Здания в Нижнекамске не подавляют, они умеренной этажности и достаточно отстоят друг от друга. Городские магистрали отделены от микрорайонов полосой зелени. Это помогает уберечь жилые массивы от шума и выхлопных газов.

Транспортные остановки и пешеходные маршруты размещены так, чтобы жители, возвращаясь, скажем, с работы, могли по пути к своему дому зайти в магазины и другие пункты обслуживания.

Город еще, в сущности, огромная стройплощадка, но его жители имеют все необходимое именно благодаря комплексному принципу застройки.

Прежде всего благоустроенные жилища. Количество первых строителей, живших в вагончиках, и время существования такого жилья были сведены к минимуму. Нижнекамск строился без барачного фонда, без ветхого фонда, как его еще называют архитекторы. Сразу возводились здания, имеющие право на долгую жизнь в новом городе.

Здания росли быстро. Кадры для будущих школ, поликлиник подбирались заранее. Татьяна Ильинична Криничина была директором школы, которая еще строилась. Пришла впервые на стройплощадку и даже испугалась: как далеко, показалось, школа от тех немногих домов, что только еще появились.

— Ну, директор, — сказал прораб, — надо нам обежать стройплощадку по периметру, на счастье. — И она поддалась не столько суеверию, конечно, сколько веселому настроению прораба. Ноги утопали в грязи, но было смешно, и были оба молоды.

Очень скоро и жилые дома окружили школу, она приняла в свои классы две тысячи юных нижнекамцев.

Причастность Татьяны Ильиничны к становлению города стала еще более ощутимой, когда ее избрали депутатом горсовета. Горячо обсуждались будущие кварталы, толпились все у плана и водили пальцами по бумаге от улиц уже настоящих к улицам воображаемым.

Обживались новые дома. Татьяна Ильинична запомнила, как на одном из новоселий человек, только что вернувшийся из командировки в Японию, рассказывал: «В разговорах с японцами трудно было нам переводить на их язык выражение «дают квартиру». Не слова, конечно, а понятие, смысл. «Как это дают? — слышим в ответ. — Квартиру покупают, кто ж ее даст?»

Дом с лоджиями, мусоропроводом, лифтом — самый типичный для Нижнекамска. Все здания расположены так, что в ясные дни в квартиру не менее трех часов смотрит солнце — это санитарные требования инсоляции. Сейчас строятся квартиры улучшенной планировки.

Как ни разнообразны нужды и запросы каждого человека, но их можно учесть в достаточной степени полно, если создавать город по схеме, которой придерживаются проектировщики Нижнекамска: труд — быт — отдых.

Комбинат с его новым производством и современной технологией обеспечивает людям интересную и перспективную работу. Он по своему, по-индустриальному, красив громадами колонн, переплетением трубопроводов, куполами емкостей. Операторные — просторные, чистые залы, где по стенам ряды контрольных приборов. Доброжелательное отношение к комбинату укрепляется, когда видишь многокилометровую его опрятность, зелень газонов, деревьев, пестроту цветочных клумб.

Мне запомнилась беседа с Ниной Васильевной Бутенко, начальником ОТК. Работает она здесь с 64-го года. Характерно, я ни разу не услышала в Нижнекамске «старожил», здесь говорят «первопроходец». Нина Васильевна — из первопроходцев. Что повлекло ее сюда? Идея нового города, очень большого и значительного предприятия была созвучна ее душе. Кого-то, может, и раздражал бы шум под окнами, башенный кран, а она просыпалась и с радостью чувствовала: стройка!

Становление комбината накладывало отпечаток на жизнь всего города. Нина Васильевна помнит, как перед зданием горкома партии проходил митинг в связи с тем, что на комбинате ввели в строй газодиффузионную установку. Собрались все жители Нижнекамска. И было радостно видеть это единодушие, эту общую увлеченность делами комбината. А рядом с ним начали строить крупнейший в отрасли шинный завод. Промышленность развивается быстрыми темпами.

Смена окончена. Люди спешат домой. С городом комбинат связывают шоссе и трамвайная линия. Трамвай оказался здесь наиболее рациональным видом транспорта, и проектировщики считают, что часто его преимущества недооцениваются. В безостановочном движении по прямой он может развивать скорость до 60—70 километров в час, пропускная способность его большая. Таким образом, две трамвайные вошки помогли решению задачи, стоявшей перед проектировщиками: предприятие должно располагаться далеко от города, но и быть доступным, в получасе езды от дома.

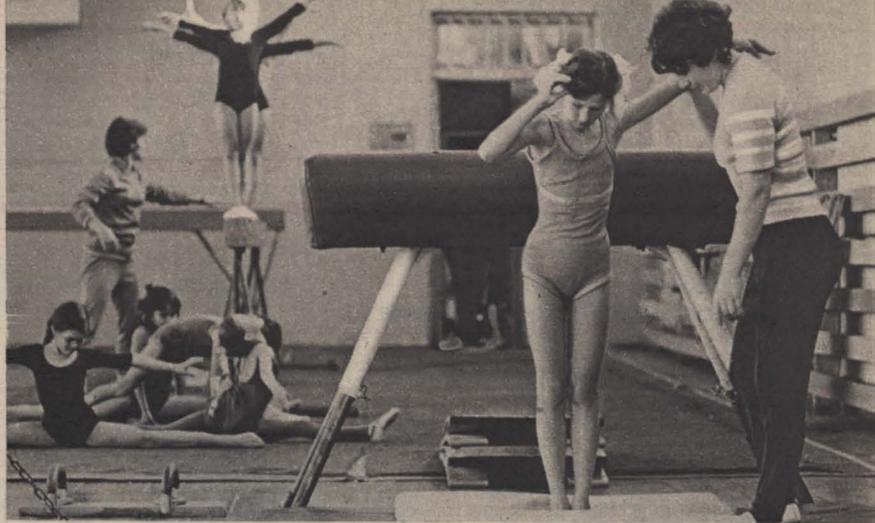
В субботу, воскресенье весь город стремится в лес, на Каму. Места

тут удивительные по красоте, шишкинские. Художник писал здесь свои пейзажи, и есть под Нижнекамском Корабельная роща, названная так в память об одной из его картин. К природе здесь отношение бережное. Красоту ее не нарушают случайными, непродуманными постройками. Когда надо было проложить дорогу, то не стали прорезать лес заново, использовали бывшую проселочную.

В сентябре этого года в Нижнекамске состоялось выездное заседание комиссии по градостроительству правления Союза архитекторов СССР. Целью его было ознакомиться с практикой массовой застройки в Нижнекамске. Архитекторы отметили тщательную продуманность проекта.

Одним из первых зданий в городе была школа. Теперь их тринадцать. Технические училища, химико-технологический техникум, филиал Казанского химико-технологического института, музыкальное училище — я не просто перечисляю то, что дает город своим жителям, а приглашаю порадоваться тому, как гармонично развивается Нижнекамск.

- Почти вся семья в сборе.
- Электроника—специальность старшего сына Параниных—Ивана (слева), рядом—Анатолий Смерчанский, начальник цеха дегидрирования завода изопренового каучука. Завод этот входит в состав нефтехимического комбината.
- Дочь Галина—машинистка заводоуправления комбината.
- Сын Петр, наладчик контрольно-измерительных приборов отдела АСУ комбината, с женой Екатериной на фотоставке, посвященной 10-летию Нижнекамска.
- Внучка Параниных—Марина на тренировке в спортивной школе.
- Сын Александр, закончив ПТУ, тоже придет работать на комбинат.
- Для Федора Ивановича Паранина и его внуков Кама—родная река.

Познакомилась я в молодом городе с семьей Параниных. Татьяна Ивановна, Федор Иванович, десять их детей—пятеро сыновей, пять дочерей и двенадцать внуков, шестеро родились в Нижнекамске. Все старшие Паранины работают на комбинате. Диапазон профессий самый широкий—от уборщицы до специалиста по электронике. Уборщицей в заводоуправлении работает Татьяна Ивановна. Электроникой занимается старший сын Иван Федорович. Живут Паранины раздельно, в хороших квартирах. Но вот собрались, как это часто бывает, все вместе. Обсуждали рабочие и семейные дела. А Федор Иванович и Татьяна Ивановна смотрели на умных, работающих своих детей, и был это один из счастливых вечеров в их общем доме, Нижнекамске.

Что называется, с первых линий в чертежах будущего города связана с Нижнекамском Юлия Васильевна Коробова, главный специалист-конструктор проекта. Прочность фундаментов и конструкций, стойкость зданий против ветров и морозов—сотни проблем нужно было решить ей и ее коллегам на самом начальном этапе рождения города. И не было и нет ни одного чертежа, не подписанного ее рукою.

Она работает в Москве, в Гипрогоре, где создавался генеральный план Нижнекамска. Этот город она считает теперь своим вторым домом. Он стал для Юлии Васильевны главным делом жизни.

Впервые приехала Юлия Васильевна сюда на пароходе по Каме. День был ветреный и закат огненный, охвативший полнеба. Вышла на пустынный берег, и нужно было обладать не только богатым воображением, но и уверенностью специалиста, чтобы знать: здесь будет город; представлять его отчетливо, конкретно.

Каким он виделся ей? «Таким, каким стал»,—отвечает мне Юлия Васильевна.

...Председатель завершил планерку обращением к тем, кто отправлялся на сдачу культурно-бытовых объектов: «И пожалуйста, не упрощайте!» Такое напутствие означало: никаких скидок, никаких недоделок. Все должно быть строго по проекту, хорошо и в срок. Как это важно—не упрощать!—чтобы вдохновенная идея нового города, воплощенная в проекте, не тускнела, не выхолащивалась от спешки и поблажек, чтобы город рос таким, каким намечался.

Е. СЕЛЕЗНЕВА,
член Донецкого литобъединения

Рассказ

ПЕТЬ, КАК ДУМНИНА

Вы думаете, весна—это счастье, это небо цвета лазури, это ласково греющее солнышко? Ничего подобного, весна—это пытка, это самое злостное время года: говоришь шепотом, остерегаясь резкого весеннего ветра, стараешься ходить только по солнечной улице, а в итоге—горло! И вместо того, чтобы петь, я высиживаю длинные очереди в больнице. Хладнокровные сестры всаживают в меня шприцы, наполненные антибиотиками: «Еще пять уколов, и вы будете здоровы».

Я послушно открываю рот для ингаляции и шиплю—а-а-а!—вместо того, чтобы звучно спеть та-ла-ла-ру-ла... И так каждую весну, как я ни стараюсь бережться, как ни сердится на меня во время простуды педагог по вокалу Майя Терентьевна.

— Опять?—говорит она и прищуривает свои красивые карие глаза. На ней узкая, ниже колен, юбка, на шее цветной шарфик, темные волосы пышно взбиты над высоким в трогательных морщинках лбом.

— Опять ела мороженое на улице?—безнадежно говорит она.—Просто не могу понять такого легкомыслия... Через два месяца выпускные экзамены, программа у тебя сырая, обкатывать ее надо, я занимаюсь с тобой пять раз в неделю вместо положенных двух, пожалуйста хотя бы мой труд...

Когда она вот так говорит, мне становится страшно жалко ее, а себя я чувствую варваром, тоннами поглощающим мороженое.

— Зачем ты пришла на урок?—Майя Терентьевна грустно смотрит в окно.—Иди. Иди и лечись. Выздоровеешь—придешь.

— Майя Терентьевна, я не ела мороженого, честное слово,—сиплю я.

Она горестно машет рукой и опять отворачивается к окну. Мне хочется реветь: ну разве я виновата, что именно тогда, когда надо обкатывать программу и особенно прилежно заниматься, когда до выпускных экзаменов остались считанные дни, у меня болит горло,

хоть я и не ела мороженого, которое, впрочем, очень люблю.

Я иду, закутавшись по уши, по залитой ярким солнцем улице и горько думаю о том времени, когда я пела в заводском хоре и у меня никогда не болело горло. И ела я черт-те что, но набитый желудок никак не отражался на голосе. Поужинаю после смены так, что юбка по швам трещит, но ору в свое удовольствие, пока дирижер не скажет: «Думнина, вы же не одна поете—за вами никого не слышно!»

Вот голосина был! Тогда же после смотра художественной самостоятельности и подошла ко мне Майя Терентьевна: «Как тебя зовут, девочка? Ты хотела бы петь по-настоящему? Учиться петь?»

Я даже обиделась тогда на нее: голос у меня и без учения такой, что весь хор перепеть могу, а тут «по-настоящему»... Чем же это я не так пою?

— Как Зыкина?—хитренько так спросила я.

— Не как Зыкина, а как Думнина,—засмеялась она.

Ох ты! Да я после этих слов на край света за ней готова была пойти: «Петь, как Думнина». Надо же!

— А сколько учиться?—спрашиваю.

— Ну... четыре года в училище, да пять в консерватории... А вообще-то учиться всю жизнь придется,—говорит Майя Терентьевна.

«Насчет всей жизни—это она меня пострадать хочет,—подумала я,—ну, а девять лет—вытерпим, проучимся».

Так я оказалась в музыкальном училище. И только сейчас поняла наконец, каких трудов стоило Майе Терентьевне заниматься со мной.

— Нёбо крепкое, язычок острый, смотри—ля-ля-а!—показывала она.

— Может, хватит на сегодня? Я сама дома поучу. Я вот тут одну песню слышала...

— Думнина, не отвлекайся... Итак, нёбо... язычок... ля-ля-а! Еще разок, еще... Вроде что-то получается... Начнем сначала.

Я выходила с уроков выпотрошенная, взмокая, шла по улице и снова и снова проверяла это ощущение—нёбо крепкое, опорное, как говорят вокалисты, язычок острый...

— Спой что-нибудь,—просили меня девчата, с которыми я прежде работала на заводе.

А я ничего и не знаю, все песни перезабыла за первый год обучения. Одно—ля-ля-а! Весь год вокалисты только и занимаются постановкой голоса, дыхания... А мне так хотелось петь!

— Чему вас только там учат?—возмущались подруги.—А мы свой ансамбль вокальный организовали, отделились совсем от хора... Хочешь, споем?

Это они подзадоривают, чтоб я позавидовала: они, мол, песни поют, а я вокализы унылые мычу. Но боже мой, что они делают! Райка диатонирует, почти на полтона сползла вниз, и никто не слышит. А у Зои дыхание то и дело на половине фразы прерывается...

— Диафрагмой держи дыхание, вот так... Алла, Алка, чего ты орешь как зарезанная? Слушай остальных, это же ансамбль, а не сольное выступление.

— Ну и пой сама!—обозлились девчонки.

Пою, а голос вроде и не мой—ровненький, гладкий, все фразы по дыханием разбиты—как молитву читаю, а не пою про черную бровую казачку. Девчонки мне ничего не сказали, пожалели, что ли.

— Разучилась я петь с вашими вокализациями,—кричала я на уроке у Майи Терентьевны,—разучилась! И рада бы спеть, да не могу... Одни распевки в голове! И зачем я только пошла учиться!—А у самой в носу щекочет, чувствую, что сейчас зареву с горя—вот тебе и стала Людмила Зыкиной, даже собственный голос потеряла.

А Майя Терентьевна твердо и спокойно мне:

— Вон из класса! И из училища немедленно... вон! Забирай документы, чтоб я не слышала больше твоих воплей... Мне не нужна такая студентка! И уже завтра можешь петь про свою черную бровую казачку, а про музыку и думать забудь.

Как это забудь? Я ведь за этот год на фортепиано научилась играть, на сольфеджио двухголосие пела с Толей Рукавицким, теорию музыки учила... Как это забудь? Нет у меня пути прочь от музыки и не может быть.

В тот первый год освободили меня от экзаменов по вокалу. Майя Терентьевна сказала комиссии, что на Думнину надо два-три года положить, чтобы она запела наконец своим совсем чистым голосом. «...Можете ее послушать на уроке, тяжелая студентка, с характером, ничего путного из нее пока не выходит».

Пришла комиссия на урок: завуч, директор, вокалисты—сели, переговариваются между собой. Майя Терентьевна концертмейстеру: «Пожалуйста, Евгения Федоровна, вокализ пятый из первого тома».

Запела я, а голос опять словно чужой, ровный, и как к верхам подбираться, не знаю. Вдур опять не так, как Майя Терентьевна учила? А, будь что будет! Подхожу это я к верхним нотам, взяла их, а голос—мамочки! Такой светлый, такой чистый, что не хочется уходить с этих верхних нот... Взяла и слукавила от радости—допела вокализ на октаву выше—вот вам!

Комиссия глаза раскрыла, а Майя Терентьевна подошла, обняла меня. «Вот это,—говорит,—и есть чудо мое, Лиза Думнина... Вернее,—добавила,—горе мое».—И засмеялась. И во второй год обучения одни вокализы пела, ну и мучение—вокализы эти. Только сейчас

ШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

понимаю, что надо было их петь по-другому — каждую ноту выпевать, соединяя ее с остальными, чтобы одна прекрасная линия мелодии получалась. А потом как-то само собой легче стало с моим новым голосом, научилась им владеть, легко забиралась на верхние ноты и стремительно летела вниз к прохладным басам, ощущая, какое это огромное счастье — петь!

Третий курс я закончила на «отлично», сейчас — четвертый. На носу выпускные экзамены, а мое горло!.. «Да не ела я мороженого, Майя Терентьевна!» — И как обиду проглатываю комоч слез.

— Привет! — Это меня хлопает по плечу мой знакомый по заводу, Витя Щелкунов.

— Привет, — сиплю я.

— Ты что ревешь? — удивляется он. — Что случилось?

— Горло!.. А у меня экзамены... Петь не могу.

— А что с твоим горлом? — пугается Витя.

— Ангина, — заливаюсь я слезами.

— О господи, что за чушь! — говорит Витя и идет рядом со мной. — Ангина! А я уж было подумал что-то невероятное... Ангина! — Он весело хмыкает. — Не бойсь. Я тебя по телевизору видел, — и он забирает у меня портфель, — давай понесу... Здорово ты поешь, даже не ожидал.

— Чего не ожидал? — хмурюсь я.

— Тебя встретить на улице не ожидал, поняла? — И он снова улыбается.

— Как там у нас на заводе? — спрашиваю я шепотом.

— На заводе как на заводе, — отшучивается он, — и все время наш хор поет.

— А ты ничуть не изменился, — говорю.

— Что я — хамелеон? — смеется Витя. — Ты вот тоже вроде не изменилась, только не помню, чтоб ты раньше из-за ангины ревела.

— Да это я так...

— Смотри нашу заводскую марку держи, не то... — И он шуточно погрозил мне кулаком.

— Будет сделано, — сиплю я. — Пока.

— Пока! — кричит Витя и уже на ходу: — Вы здоровляй... И заходи к нам, ты же наша, не забывай об этом!

Я киваю Вите головой, потому что ни говорить, а тем более кричать мне нельзя. Потом я иду в больницу, снова сижу в длинной очереди и думаю, что, может, я все перепутала в своей жизни и лучше бы мне не мучиться, а остаться на заводе, работать с девочками, а по вечерам петь в клубе, глотать кусками мороженое и не знать, что такое связки сели, горло болит, крещендо не получается... Можно, конечно, было и так повернуть жизнь, только как бы я жила без музыки, без той высокой и прекрасной музыки, которую я узнала, без ощущения счастья, когда голос твой звучит в огромном зале неповторимо звеняще — сначала громко, а потом все тише, тише. И, наконец, почти исчезает в серебре высокого регистра... Но в это время ты быстро берешь дыхание и сильной новой мелодией продолжаешь песню. Я про себя напеваю отдельные куски мелодии — как это можно спеть! — вот так, чуточку нежней и проще, и не задерживаться долго на этой низкой ноте, не акцентировать ее печаль, а осторожно повести от нее вверх к светлой мелодии — вот так.

— Девушка, почему вы не отвечаете? — возмущается старушка в очереди. — Спрашивают, кто последний к врачу.

— Я, — говорю я неожиданно чистым и звонким голосом, — я!

Наталья ГАЛИМОН, журналистка

ЦВЕТЫ

Букеты бывают разные. Чопорные и надменные. Из одних только роз, предназначенные для брачных торжеств. И беззаботные, веселые, из полевых ромашек и васильков. С этими вторыми обычно не церемонятся — ставят не только в вазы, но и в кувшины и в обыкновенные молочные бутылки.

А бывают букеты, как и этот, — скромные, всего несколько ирисов. Держит их пожилой человек. В одной руке — авоська с картошкой, в другой — цветы. Везет домой, жене. Такой же пожилой женщине, с которой прожил двадцать пять, если не все тридцать лет.

— Любит она цветы, — как бы извиняясь, говорит он.

А за что извиняясь? За любовь?

Эльвира БОЧКОВА,
инженер

Рабочий котлован

Я встану
Над рабочим котлованом —
И сердце
В изумлении замрет:
С такой,
Казалось бы,
Смертельной раной
Земля,
Как обновленная,
Живет!
Войною порожденные
Траншеи
Минутами молчанья
Заросли...
Узором жизнерадостным
Темнеет
Тот котлован
На облике Земли.

КОРОСТЕЛЕВА,
студентка

О, как метали мы солому,
Как нас ломало и пекло!
Нам, городским, не снилось дома
Святое это ремесло!

Нам и не снилась эта сладость,
Когда бунтует в теле жизнь,
Пока совсем не скосит слабость.
И вот ты, еле жив, лежишь.

А в стороне стога лучатся,
А небеса — во всей красе,
И на душе такое счастье,
Что не растаять бы совсем!

ОТЕЦ

Он не умел обращаться с детьми, особенно с маленькими. Когда у него родился сын, он сказал мне: «Ты представляешь меня отцом, да еще мальчика?» Я не очень представляла. По характеру он не был семьянином.

Помогал жене он не очень ловко, хотя и старался.

Однажды жена не успела поест, а настала пора кормить малыша, и тот надрылся в крике. Отец подошел к кроватке. Он не агукал, не говорил ласковых слов. Он просто очень серьезно сказал:

— Потерпи, Левушка, не будь эгоистом, мама тоже должна покушать. Потерпи, ведь ты мужчина.

И самое удивительное, что крохотный малыш словно понял отца, прислушался к его веским доводам и затих.

Отец был отцом.

Рисунки О. ВУКОЛОВА

В. КУЗЬМИНА,
библиотекарь

Девочка с прыгалкой —
осколок ветерка,
Прыгает, прыгает,
как перышко, легка.
Стоптаны сандалики,
Волосы вразлет,
Юркая веревочка
Радугой встает.
Солнечной тропиночки
Касается легка,
Девочка с прыгалкой —
осколок ветерка.

Ираида КОЖЕВНИКОВА,
балерина

Город на Неве

По-прежнему канаты пахнут дегтем, ветром...
Под серым небом серая вода.
О родина моя, за далью километров
Лишь о тебе я помнила всегда.

Иду одна по городу родному,
А на душе и грустно и светло,
Знакомой улицей шаги приводят к дому,
Где я росла, где детство протекло.

Уж близких нет, они давно убиты
Кто голодом, кто взрывом там и тут...
Но никогда не будут позабыты
И где-то здесь невидимо живут.

А город жив. Он видел смерть и холод
И будет память страшную хранить,
Великий мой, неповторимый город,
Где каждый камень помогает жить.

Юрий ФРОЛОВ,
инженер

Осень

Скосили тучи синеву.
Вот-вот упасть на землю снегу.
Старик опавшую листву
Лопатой грузит на телегу.

Застыл в оцепененьи сад.
Ни шороха, ни разговора.
Лишь ветки голые стучат
По доскам серого забора.

Работает он не спеша.
Все курит, курит сигареты.
Как будто хочет задержать
Прощание с ушедшим летом.

В тех листьях—прожитые дни,
Грусть сентября и неба просинь.
И лошадь, голову склонив,
Увозит за ворота осень.

Голубой асфальт

Ранним утром в Москве весь асфальт
голубой—
Так обильно его поливают водой.

И вода отражает в себе высоту—
Знойных солнечных дней голубую мечту.

Если хочешь увидеть асфальт голубым,
Просыпайся скорей! Днем он будет другим.

Голубые озера просохнут везде.
Люди хлынут потоком на смену воде,

Шум и говор разгонят рассветную тишь...
Серым будет асфальт, если утро проспишь.

«Иду на твои огни, мама» — так обычно извещает о приходе своего сейнера в бухту поселка Озерного штурман Александр Щадный. Вечером, отправляясь на вахту зажигать маяк, Евдокия Ивановна аккуратно положит радиogramму старшего сына во внутренний карман бушлата — показать знакомым и в который раз услышать от них, что она едва ли не единственная в мире мать получает такие вести.

Неженскую работу смотрителя огня Евдокия Ивановна взяла на себя в тот трудный день, когда умер муж — смотритель маяка.

Настал час зажигать огни, и Евдокия Ивановна, оставив в доме восьмерых детей, пошла к маяку. По дороге думала, что не было в ее жизни беззаботных дней. С семи лет она зарабатывала свой хлеб в няньках. В девять стала хозяйкой в доме больной матери. Подростком открыла счет колхозным трудодням: се-

яла, косила, убирала. Потом всю войну вместе с другими женщинами от зари до зари тянула невод на Амуре. А как ей справиться теперь с такой семейной ношей? Государство, конечно, выделило детям пособие и пенсию за мужа. Но как-никак одной восьмерых поднять надо. И за старшего сына душа болит: как-то он там, вдали от дома?

...Александр Щадный, курсант Сахалинского мореходного училища в Невельске, получил сообщение о том, что не стало отца. Тесным кругом сомкнулись вокруг Александра ребята.

— Прощаться будем, — глухо сказал он. — Мать без моей помощи не обойдется. Пойду в колхоз.

— А как же море? Учеба... Мечты... — Ребята растерялись не меньше своего товарища.

— Не судьба, значит...

Все они были мальчишками 17—18 лет, многого еще не знали, но крепкое чувство флотской со-

лидарности подсказало выход.

Не прошло и месяца, как Евдокия Ивановна неожиданно получила извещение на перевод из Невельска. На почте вместе с 60 рублями ей дали коротенькое письмо: так, мол, и так, мы, курсанты, товарищи Саши, будем вам помогать; Саше нельзя бросать мореходку. Два года из месяца в месяц Евдокия Ивановна получала переводы.

На каждом шагу чувствовала она участие людей. То сосед подкинет воз дровишек и тут же отмахнется от благодарности. То в школе, куда ходили пятеро Щадных, справят им обновки: кому пальто, кому валенки, кому форму.

С тех пор прошло десять лет. Евдокия Ивановна так и осталась на маяке. Как часто случается здесь зимой — набросится на поселок непогода и вмиг занесет снегом дороги. Провибивается Евдокия Ивановна сквозь буран. До вершины сопки — три километра. Там подключит она газовые баллоны. Золотое сияние озарит сопку и бросит яркий луч в море.

Иной раз заглянет к ней в дом соседка.

— Как ты тут одна управляешься со всеми, Ивановна?

— Да разве я одна? Вон у меня команда какая.

А команда подрастала. Приучилась и дом убирать и еду готовить. В случае необходимости и подменить Евдокию Ивановну на вахте мог каждый из сыновей.

С днями уходили годы. Стал штурманом Александр. Не раз заходил его «Полярис» в родную бухту. Не успеет судно пришвартоваться к берегу, как все Щадные на причале. Саша их в охапку

и командует зычно: «За мной!» Через час возвращаются домой, обвешанные свертками: тут и сладостей, и игрушек, и обновок всем.

Вслед за старшим братом ушел в море Сергей. Сейчас плавает в океане на большом рыболовном траулере. Зоя тоже причастна к морю: третий год работает в сетеповивочной мастерской колхоза имени Кирова. Здесь же, в колхозе, работают Валерий и Леонид. Один шофер, другой плотник. Виктор, получив специальность, уехал на Северный Сахалин.

«Мы никогда не видим маму без дела и всегда стараемся ей помогать. Как можем, бережем ее. Наша мама не могла в детстве учиться и потому хочет, чтобы мы все были грамотными. Работает мама смотрителем огня Озерского Ковша. Она ударник коммунистического труда. Она очень хорошая...» — так писал Вова Щадный, когда учился в третьем классе. А окончив восьмой класс, прибежал домой возбужденный: «В Хабаровск еду — в топографический техникум!»

Уехал в профтехучилище в Южно-Сахалинск и Юрий. А вслед за ним и Наташа поступила в Южно-Сахалинское торговое училище.

А Евдокия Ивановна так же исправно — минута в минуту — идет к маяку. И какой счастливой бывает эта дорога, когда в кармане бушлата письма от детей или лежит радиogramма с борта «Поляриса»: «Иду на твои огни, мама».

Е. ГУБАНОВ

Пос. Озерный,
Южно-Сахалинская обл.

Наша информация

СЪЕЗД СЕВЕРЯНОК

В Сыктывкаре состоялся VI республиканский съезд женщин.

В зале заседания можно было увидеть посланцев Ухты, нефтяной столицы республики, и далекого северного поселка Усть-Цильма, где пока еще и драма, и тротуары, и журавли у колодцев — все деревянное. Здесь были работницы Сыктывкарского лесопромышленного комплекса, одного из крупнейших в стране, учителя, строители, животноводы, ра-

ботницы предприятий бытового обслуживания, инженеры, врачи...

Среди делегаток Нина Васильевна Гулина, инспектор дошкольных учреждений комбината «Печора-шахтстрой». Она председатель горняцкого районного женсовета. Приехала на съезд Аклима Джумадуновна Панкова, техник-технолог Вуктыльского газопромыслового управления. Именно у буровых Вуктыла начинается газопровод «Сияние Севера».

С докладом «О роли женщин в хозяйственном и культурном строительстве в свете решений XXV съезда КПСС» перед собравшимися выступила секретарь Президиума Верховного Совета Коми АССР Ирина Кирилловна Устинова, председатель республиканского женского совета. Обсуждали доклад очень заинтересованно и горячо: конкретная задача — добиваться, чтобы рубежи передовиков стали производственной нормой. Единодушно решили: успешное выполнение народнохозяйственного плана — вот боевая программа, почетное дело каждой труженицы, каждого женского совета.

На съезде с речью выступил секретарь Коми обкома КПСС А. Ф. Сюткин.

Съезд избрал республиканский женский совет, председателем вновь стала И. К. Устинова.

Н. АЛЕКСАНДРОВА

НА СЪЕМКАХ НОВОГО ФИЛЬМА

Мы сидим с режиссером Наной Мчедлидзе в обычном рейсовом автобусе. Впрочем, обычный он только снаружи, внутри это съемочная площадка фильма «Настоящий тбилисец и другие», который на студии «Грузия-фильм» ставит Нана (оператор Георгий Челидзе).

Кто «настоящий тбилисец», а кто «другие», я пока еще не разобралась. Темпераментная жестикуляция, громкие голоса как будто убеждают нас в том, что все пассажиры автобуса настоящие тбилисцы. Но нет. Настоящим тбилисцем оказывается самый молчаливый пассажир, сосредоточенно читающий газету.

Заметив, что в вагон вошла молодая женщина, нагруженная покупками, он тут же, прервав чтение, осаживает ее на свое место. Облегченно вздохнув, женщина садится.

— Как ваша фамилия? — спрашивает она у читающего мужчину, который продолжает стоять рядом.

Тот, взглянув на нее с удивлением, снова углубляется в газету. Но женщина с завидным упорством продолжает выпытывать фамилию и место работы читающего пассажира. После очередного воп-

роса мужчина устремляется к выходу. С криком «Как ваша фамилия?» женщина выскакивает след за ним...

— Вот и вся микронovelла, — говорит Нана. — Сценарий этого фильма, который мы написали вместе с драматургом Леваном Челидзе, — это несколько киноновелл о Тбилиси и его жителях. Новеллы не связаны между собой сюжетом, даже разностильны. Одни тяготеют к сатире, другие лиричны. Несколько новелл, вошедших в этот фильм, взяты из серии моих юмористических рассказов, напечатанных в грузинских журналах «Мнатоби» и «Цискари».

А. АЗЕРНИКОВА

УСПЕХ ЧУВАШСКОЙ БАЛЕРИНЫ

В Чебоксарах, на сцене Государственного музыкального театра, состоялась премьера балета «Ар-жюри» чувашского композитора Ф. Васильева.

Особый успех выпал на долю талантливой балерины Ларисы Ивановской, создавшей тонкий и лирический образ крестьянской девушки Анты.

Творческая жизнь Ларисы Ивановской неразрывно связана с Чувашским музыкальным театром. Закончив Ленинградское хореографическое училище имени А. Я. Вагановой, она вернулась в родной город и дебютировала в партии Жизели в одноименном балете Адана. Затем с успехом танцевала

ведущие партии в «Шелкунчике» и других балетных спектаклях.

Лариса Ивановская — частый и желанный гость в рабочих клубах, у тружеников села, воинов подшефного гарнизона.

А. ДЛУГАЧ

В ПОДАРОК ДЕТАМ

В Куйбышеве открылся детский городской парк культуры и отдыха имени Ю. А. Гагарина. Около двух тысяч пионеров и школьников побывали здесь в день открытия.

На удивление ребятам кинотеатр «Антошка» расположился в салоне самолета «АН-10». Его подарили ребятам рабочие Куйбышевского авиационного завода. А на автодроме, построенном специалистами из кубанского города Ейска, вычерчивают причудливые трассы автомобилей. Можно забраться на колесо обозрения, покачаться в лодочках, качелях, покрутиться на каруселях.

Но больше всего юных посетителей привлекает выставка военной техники. Здесь они знакомятся с вертолетами «МИ-1» и «МИ-4», легендарным танком «Т-34»,

бронетранспортером «БТР-40», зенитным орудием, пушками.

Пока действует лишь первая очередь парка. По проекту архитектора Ю. И. Мусатова здесь будет построен канал шириной 5—10, а глубиной до полутора метров. Он протянется через весь парк. На канале задумана лодочная станция. На территории парка два озера, их расчистят, благоустроят. На острове одного из них возникнет крепость для детских игр. В плане развития парка — сооружение спортивного комплекса, строительство театра кукол, библиотеки, тира, кафе, полигона для юных авиамоделистов. Будет в парке и космический городок — в память о первом космонавте.

М. ГОЛОВИНСКИЙ

ВПЕРВЫЕ В НАШЕЙ СТРАНЕ

По приглашению Комитета советских женщин в Советском Союзе побывала делегация Демократического движения португальских женщин во главе с активисткой этого движения, членом Португальской коммунистической партии Луизией Рамалью.

Демократическое движение португальских женщин — прогрессивная организация, действующая с 1968 года, свою главную задачу видит в том, чтобы сплотить широкие женские массы в борьбе за разрешение важнейших социальных проблем.

Первостепенное значение организация придает возрастанию политической активности женских масс. Все больше женщин выдвигается в местные органы управления. Женщины участвуют в проведении аграрной реформы и создании сельских кооперативов.

Одна из неотложных задач движения — ликвидация неграмотности (58 процентов среди неграмотного населения — женщины).

Не менее остро стоит в Португалии проблема дошкольных детских учреждений. Государственная сеть здесь отсутствует, а частные ясли и сады посещает всего 3 процента детей, в основном из обеспеченных семей.

Улучшение жизни стариков, получающих крайне низкие пенсии, строительство жилья для тех тру-

дящихся, которые ныне обитают в бараках, лишенных элементарных удобств, — эти вопросы также в поле зрения повседневно деятельности Демократического движения португальских женщин.

Перед отъездом на родину гости посетили Комитет советских женщин, поделились своими впечатлениями от поездки по Советскому Союзу.

«Пребывание в СССР стало для нас серьезной и очень полезной школой, — сказала Мария Вивейра, член руководства движения. — Впервые в жизни мы увидели в центре внимания общества человека труда, того, чьими руками создаются национальные богатства! Это социализм на практике, реальный социализм, который и мы мечтаем построить у себя на родине».

В. БЕЛОВА

ГЛУБОКО ЛИЧНОЕ— ОБЩЕСТВЕННОЕ

Интервью с комментариями

Собираясь в Горький, я постаралась заранее узнать об институте. И так, Институт микробиологии и эпидемиологии из тех научно-исследовательских учреждений, что непосредственно обслуживают практическую медицину. При НИИ свое производство, выпускающее вакцины и сыворотки, кровезаменители и антимикробные средства.

НИИ занимает видное место среди доброго десятка своих собратьев: прекрасные экономические показатели, переходящие знамена Совета Министров РСФСР и ВЦСПС... В девятой пятилетке сотрудники института внедрились в производство 41 предложение. Эти научные разработки позволили выпустить новых препаратов более чем на два миллиона рублей. Да каких препаратов! Они нарастают в стране, продаются за рубеж.

Директор ГНИИЭМА — доктор медицинских наук, член-кор-

респондент АМН СССР Ирина Николаевна Блохина, человек с ярко выраженным общественным темпераментом. Среди ее многочисленных обязанностей такая высокая, государственная, как председатель постоянной комиссии Совета Союза Верховного Совета СССР по здравоохранению и социальному обеспечению. Член Комитета советских женщин. Руководитель проблемной комиссии Минздрава РСФСР. Ее избирали делегатом XXV съезда КПСС. Позже в Горьком я могла продолжить этот список. Ирина Николаевна—член обкома КПСС, член парткома института, по поручению которого ведет работу с молодыми специалистами.

Почему, кроме ответственных и сложных профессиональных дел, человеку доверяется и столько общественных?

— Ирина Николаевна, как приходили вы внутренне к той или иной общественной работе? Конечно, на общественную должность выбирают, ее доверяют, ее момент личного освоения нового дела присутствует всегда...

— Безусловно. Когда меня избрали председателем одной из постоянных комиссий Совета Союза Верховного Совета СССР, было тревожно. Новые задачи и, главное, новые масштабы.

Вы знаете, что наше государство всегда заботилось о женщине. Решения XXV съезда партии, другие партийные и правительственные документы последних лет также проникнуты этой заботой. Много конкретных мер по улучшению труда, отдыха, медицинского и бытового обслуживания было намечено в Международном году женщины.

Вот почему на одном из первых совместных заседаний комиссий по здравоохранению и социальному обеспечению Совета Союза и Совета Национальностей рассматривалось, как на местах заботятся об охране здоровья женщин.

Сообщения представителей министерств и ведомств говорили о том, что работа ведется конкретная, помогающая женщине жить, воспитывать детей. Автоматизация и модернизация оборудования осуществляются прежде всего там, где трудятся женщины. В планах социального развития производственных коллективов появился специальный раздел «Улучшение условий труда и быта женщин, охрана их здоровья». Лучше стала работать акушерско-гинекологическая служба. Многими промышленными министерствами начата разработка перечней работ и профессий, наиболее соответствующих физическим особенностям и психологическому складу женщин. Вводится на предприятиях лимит рабочих мест с сокращенным рабочим днем и оплатой труда за фактически отработанное время для женщин, имеющих двух и больше детей.

Таких примеров заботы о женщине много. Но, к сожалению, делается еще не все возможное: некоторые союзные министерства, например, не выполняют плана строительства медицинских и детских дошкольных учреждений. Не так быстро, как надо, расширяется сеть специализированных санаториев для женщин...

Вас интересует, как чувствовала себя в ответственной роли председателя? Дело в том, что вопросы готовила депутатская группа. Я тоже изучала материалы, поступившие в комиссию. Как член обкома КПСС, как депутат Верховного Совета бывала на предприятиях, беседовала с женщинами, да и в своем коллективе постоянно сталкивалась с этими жизненными проблемами. Сложилось собственное мнение, которое одновременно мнение и коллективное.

— Ну, а в тех случаях, когда речь идет не о почетной депутатской деятельности, а о работе более будничной, от которой вам легко отказаться, сославшись на занятость и перегрузку, что заставляет вас брать за нее? Вот, скажем, должность нештатного заведующего отделом биохимии и биофизики в институте, которым руководите...

— Исследовательская работа—основное дело моей жизни. Самое большое удовлетворение ученый получает, когда его ученики не только догоняют его, но и перегоняют. Сегодня в отделе много талантливой молодежи, всех сплавляют общие научные интересы. Все лаборатории возглавляют творческие люди. Лариса Степановна Носова, Галина Федоровна Леванова, Галина Константиновна Дегтева обшлись бы и без моего участия в работе: полны идей, умело ставят проблемы, интересно разрабатывают темы. Руководить такими помощниками—одно удовольствие.

...Как уважаю я в других откровенность, так уважаю в ней, Ирине Николаевне, эту строгую, интеллигентную замкнутость. Ни слова о себе лично—охотно об институте, городе, о людях, кому благодарна.

...Биохимия пришла в микробиологический институт вместе с Ириной Николаевной. Тогда ей, молодой сотруднице, начинающему ученому, приходилось доказывать необходимость биохимической службы, кое-кому это казалось модной затеей, которая, отшумев, отомрет за ненужностью. А новый отдел просто шел в ногу со временем. Сегодня «теоретичность» не ставится ему в вину: так обогащает она практику, столько выходов у нее в жизнь... Вот, к примеру, один из самых «отвлеченных» вопросов — систематика бактерий. Карл Линней, шведский естествоиспытатель XVIII века, отнес все микроорганизмы к хаосу, в котором может разобрататься лишь сам господь бог. Сегодня известно немало семейств бактерий, но формы микроорганизмов столь подвижны, столь изменчивы, что определить вид и род микроорганизма нелегко. В этом году в издательстве «Наука» вышла книга Блохиной и Левановой «Геносистематика бактерий», развивающая идеи большого ученого, академика А. Н. Белозерского. Теоретическая монография послужит практической диагностике. Если четко охарактеризован вид возбудителя инфекции, легче его распознавать, а значит, и бороться с ним.

— Общественные дела—это всегда новые контакты с людьми, самыми разными,—продолжает Блохина,—контакты, которые расширяют горизонты, обеспечивают все новые связи с жизнью, современностью.

Вы заметили, многие наши институтские лаборатории названы центральными? Это значит, они открыты для научных сотрудников других учреждений,

ведомств. К нам приезжают знакомиться с методиками и нас, конечно, знакомят со своими достижениями. Оказалось, межведомственные связи очень выгодны, перспективны. Это сегодняшний умный и экономичный путь развития.

А начался этот новый, интересный для института этап со звонка из обкома партии. Спрашивали, не можем ли мы выполнить несколько научных тем для Главмикробиопроба. Организация производственная, занимается микробиологическим синтезом, в частности биокормами для животноводства, научной базы у нее не всегда хватает. Так родилась межотраслевая биофизическая лаборатория, оборудовать которую помогли нам производственники.

Биофизика для института сегодня—явление новое, как биохимия когда-то. Но сейчас Блохиной легче вводить это новое в жизнь. Психологически—как ученому действующему, опытому, чувствующему логику развития. Практически—как директору НИИ.

Биофизиков отличает в НИИ «на глаз»—парни студенческого вида. При мне Блохина знакомилась с результатами исследований одного из них, Александра Воронина.

— Интересно. Очень интересно...—И уже для меня:—Вот и первые выходы в практику. Саша разрабатывает биофизические методы контроля за соблюдением стандартов выпускаемых нами препаратов. Препараты «живые», и потому подвести каждую партию под стандарт—дело повышенной сложности.

На верхнем этаже достраивающегося здания института биофизики монтируют новые установки. Одни из них покажут, как ведут себя бактерии в магнитном и электрическом поле, другие—как реагируют они на разные температурные режимы. Но главная гордость—АСУ, которая позволит управлять технологическими процессами, подбирать оптимальные условия для них, будь то извлечения белковых фракций из крови или подготовка питательной среды для бактерий. Кончается время, когда все процессы проводились по отдельным показаниям приборов. Придет час, и ЭВМ возьмет на себя все сложные расчеты и согласования.

А пока на шестом этаже недостроенного дома на краю города до полуночи горит свет. Биофизики увлеклись наукой со всей страстью молодости, биофизики не могут поделить свое время на рабочее и личное и потому делают на рабочее и общественное. В этом они схожи со своим директором.

— Скажите, пожалуйста, какая из общественных ваших работ доставляет наибольшую радость?

— Работа с молодыми. Никогда не знаю заранее, выйдет из начинающего специалиста интересный ученый или нет. Подчас на студенческой скамье человек звезд не хватает, а потом, смотришь, напал на свою жилу и пошел. Другой, как фейерверк, начинает блестяще, талантлив, а без трудолюбия все растерял... Имея опыт, можно помочь юноше или девушке найти себя, уберечь от опустошения. Может, это лишь кажется, но хочется думать, что молодых понимаю, чувствую, как понимаю своих сыновей. Кстати, своими детьми я довольна. И в профессиональном плане они определились быстро и твердо. Оба физики, один с уклоном в мою биологию, другой—в отцовскую механику.

...Каждого молодого ученого мне хочется прежде всего расширять, заставить задуматься о своем месте в коллективе, о своей судьбе.

Очень порадовалась, что совет молодых специалистов создает институт нештатных сотрудников. В результате в научную работу нашего НИИ активно включились практические врачи, эпидемиологи и бактериологи санэпидстанций. Взаимовыгодность связи доказывать не приходится: нам легче проверить на практике наши диагностические и лечебные средства, мы снабжаем глубинку последней информацией, и, конечно, обмен идеями всем на пользу.

— Ирина Николаевна, какого рода общественную активность вы особенно цените в окружающих?

— Вскуюю. В идеале каждый должен нести другим что-то свое личное, что-то из арсенала своих способностей, умения. Один хорошо поет, другой прекрасно знает технику...

Разумеется, бурную деятельность только ради престижа, ради самоутверждения я вообще не отношу к общественной—это лишь для себя. Но как можно не ценить бескорыстную работу на благо других? Именно работу, а не шум по поводу... В русском языке не случайно есть два глагола—«сделать» и «поделать». Плохо, когда что-то поделают, пошумят, погорыхают и не доведут до конца.

Сама Блохина удивляет окружающих работоспособностью. Когда успевает? Как? Только что обсуждала планы подготовки к научной конференции и уже спешит на партийно-хозяйственный актив, только что на стройке своего института делала замечания строителям и вновь в научных идеях, дает оценку дипломникам-биологам в университете.

Легко переключается, легко входит в дело. Это качество удивительно отразилось во внешности. В зрелом мужчине подчас еще можно угадать былого подростка, в зрелой женщине—почти никогда. А в Ирине Николаевне, матери двух взрослых сыновей, проглядывает юность не только в спортивной стройности облика, но и в легкости походки, охотности к движению. Привычка все время трудиться... Всегда.

Как человек, работающий много, Ирина Николаевна умеет рассчитывать свои силы. В институте знают ее умение выбрать «свободную минутку» и на три дня, на недельку в счет отпуска выскочить на институтскую базу отдыха, чтобы погрести вволю (все же волжанка!). Или с мужем, ректором университета Андреем Григорьевичем Угодчиковым, проехать на машине по «Золотому кольцу». А зимой их видят в выходные дни на лыжах вместе с сыновьями—дружное, веселое семейство. Кто-то из сотрудников между делом рассказывает, что Блохина неплохо хозяйничает, кто-то вспоминает, какой нарядной, праздничной она является в театр. И впрямь нет в ней той безрадостной замороченности, которой мы, работающие женщины, увы, порой не умеем избежать.

— Как воспитывается общественная активность? Вот вы могли бы жить с меньшим напряжением, больше сил, времени отдавать семье...

— То, что вы громко называете общественной активностью, я бы назвала привывкой. Кстати, свойственна она большинству советских людей. В нашей семье она закладывалась в детстве. Большая семья, четверо детей... Отец—земский врач, которого поднимали и по ночам и который не знал, что такое отказать кому-либо в помощи. Мать, вечно занятая устройством на лечение деревенских знакомых. В доме была неплохая библиотека. Помню, мама давала читать книги женщинам очень охотно. Не было в нашем доме даже мысли жить поспокойнее, избегая забот о других.

Дом этот, старый нижегородский дом с зеленым палисадником, находится недалеко от института. Его Ирина Николаевна показала мне, когда мы проезжали мимо. Сказала с неожиданной нежностью:

— Здесь родилась я. Здесь росли мои сыновья. Маршрут был освоен крепко: дом—детский сад—институт.

Сейчас в этом доме живет старшая сестра Блохиной, Вера Николаевна. Бывший преподаватель пединститута, пенсионерка, она отличается прямо-таки неукротимым общественным темпераментом. Статьи в газетах, книги о Горьком... В отделе пропаганды горкома партии о ней говорили как о незаменимой общественнице.

Брат Ирины Николаевны, Николай Николаевич Блохин, академик, Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета РСФСР, видный советский общественный деятель. Он возглавляет Комитет по международным Ленинским премиям «За укрепление мира между народами», является президентом Института советско-американских отношений.

Да, это и семейное. Та потребность передовой русской интеллигенции самоотверженно служить народу, которую накапливало несколько поколений разночинцев и которой наше, советское время придало новую силу.

— А позже воспитывали школа, институт, люди, с которыми встречались. У Ирины Николаевны удивительно благодарная память. Она охотно вспоминает всех, кому чем-то обязана, у кого училась.

Вспоминает школьного учителя Юрия Николаевича Коротких, ценившего в учениках самостоятельность мышления и поступков. Вспоминает Генриетту Яковлевну Городисскую. Отличный ученый, преподаватель мединститута (это от нее приверженность к биохимии), она сравнительно рано ушла на пенсию. На ставку в НИИ идти отказалась, но весь остаток жизни провела здесь—как нужна она была молодым, всем и Блохиной тоже! Как щедро дарила знания, опыт, идеи!

Ирина Николаевна говорит о своих сегодняшних сотоварищах. Об удивительно энергичной общественнице Валентине Васильевне Тишиной, начальнике цеха заготовок производственных материалов. О Елене Ивановне Житовой, докторе наук. Ей, нынешнему сотруднику отдела информации, очень пригодился был опыт: работала раньше на кафедре микробиологии в медицинском институте. О многих-многих других. О тех людях, встречи с которыми помогли Ирине Николаевне стать коммунистом, укрепиться в этом мировоззрении, действовать в согласии с ним.

...Командировка заканчивается. Знакомство с институтом подводит к итогу: здесь вся научная работа «разомкнута» в жизнь, подчинена острым и непосредственным нуждам общества.

Ирина Александровна Киселева, заведующая иммунохимической лабораторией, кандидат наук:

— Решаем проблему гамма-глобулина для внутривенного вливания. Сейчас препарат вводится внутримышечно. При внутривенном сможем повысить дозу, препарат будет применяться при тяжелом течении инфекционных болезней и сепсисе.

Валерия Михайловна Лавровская, заведующая лабораторией профилактики и диагностики острых кишечных заболеваний, доктор наук:

— В этом чемоданчике 21 флакончик с БИСаами—биологическими индикаторными системами. Видите диски, похожие на конфетти? Эти диски реагируют на возбудителя инфекции по типу лакмусовой бумаги—меняют цвет, только реакции происходят более сложные, чем химические,—биохимические. В сельской больнице, на санэпидстанции за такой чемоданчик нас поблагодарят. Диагноз быстро, без потери времени—да это мечта каждого врача! БИСаы запущены в производство.

Екатерина Анатольевна Якимичева, инженер-микробиолог:

— Мы выпускаем в цехе лактобактерии, препарат из кисломолочных палочек, который нормализует микрофлору кишечника, повышает устойчивость организма к стафилококку. Сейчас решаем вопрос, как обогатить лактобактерином обычное детское питание...

В короткие наши поездки по городу Ирина Николаевна Блохина старается показать мне Горький. Вот новые микрорайоны, бывшие слободки Лапшиха, Кузнечиха... Была ли я уже на откосе? А как кремль? Вот сейчас за стеной зелени можно увидеть памятник Горькому, мухинский. По ее мнению, лучший в городе. Здесь она прожила всю жизнь, никуда надолго не уезжала, знает его во всех переменах, в старине и в новизне. Это тоже многое объясняет: патриотов бездеятельных не бывает.

И. КОШЕЛОВА

ЕСЛИ НЕ ПОЛУЧИТСЯ ЛЕОНАРДО...

— Теперь уже совершенно ясно,— сказал мне один мой молодой знакомый,— что Леонардо да Винчи из меня не получится. Так стоит ли надрываться?

Вроде бы трезвая позиция. И удобная к тому же...

В определенном возрасте человек начинает осознавать свои возможности. И хотя понимает, что их реализация во многом зависит от него, уже отдает себе отчет и в другом: гениев единицы.

Да, правильно, единицы, но счастливым хочет быть каждый. Независимо от таланта, от профессии, занимаемой должности. Причем счастье—понятие весьма субъективное. Для одного это выигрыш в спортлото, для другого—нерукотворный памятник.

А как быть, если выигрыша не досталось, на памятник не рассчитываешь? Если тебе, как ты считаешь, не очень везет в жизни? Среднее образование дает, казалось бы, всем равные возможности, а тебя уже на старте постигли непоправимые, на твой взгляд, неудачи.

«В школе мечталось о многом, и уж никак не видела себя почтовым работником,— пишет одна девушка, пожелавшая остаться неизвестной, из г. Могилева.—А теперь вот уже два года принимаю бандероли, упаковываю, отправляю. Вчера один посетитель сказал мне: «До чего же вы хмурая! Улынулись бы хоть, всем стало бы легче, а то чувствуешь себя виноватым». Прав он, наверное. И раздражаюсь я и срываюсь: поводов нет для радости. Два года подряд поступала в институт. Сначала в политехнический, потом в педагогический. Не попала. А ведь отметки в аттестате неплохие. Обидно! Некоторые учились куда хуже, но стали студентами. Просто нет везения у меня, вот и кручусь на почте. А куда идти? На завод, на стройку, в магазин? Чем это лучше? Никогда не надо говорить человеку, что у него большие возможности и все зависит от него самого. Поверьте, после этого трудно привыкать к тому, что ты всего лишь скромненький, заурядненький, маленький человек».

Я беседовал как-то с приемщицей химчистки, любезной и обаятельной женщиной. Она заметила:

— Очень трудно быть вежливой к концу смены. Устаешь, приходится переламывать себя...

А ведь можно и не переламывать! Можно рассуждать так: уж как выходит, так и выходит, уж сколько есть терпения, столько и есть. А коли у вас его побольше, так и садитесь, пожалуйста, на мое место...

Но отчего же эта женщина вопреки усталости держит нервы в узде, оставаясь приветливой и тактичной? Неужто ей в ее вроде бы скромной должности столь уж важна безупречная профессиональная репутация?

Все это очень непростые вопросы, ибо мы с вами сейчас отправляемся на поиски внутренних пружин, управляющих человеческим поведением. Такой пружиной может быть интерес к делу, высокая цель, рабочий

Фотоэтиюд Н. МАТОРИНА.
Радиомонтажница.

азарт... Или чувство ответственности перед людьми, перед Родиной... А еще пружиной бывает честолюбие или упрямство. Нередко человек и самому себе не в силах отдать отчет, почему он поступил так, а не иначе, к чему он стремился, чего хотел. Вот девушка с почти кажется, что причина ее раздрания—несбытывая мечта (правда, непонятно, какая: сначала поступала в политехнический, потом в педагогический). Но не определяет ли ее отношение к работе еще и другое—эгоизм, равнодушие к окружающим?

Хочется привести еще одно письмо.

«После школы никуда не поступала: не было уверенности в успехе, но, главное, не было твердого выбора. Решила посмотреть, поработать где-нибудь временно. Устроилась няней в детский сад: это близко от дома. Первые дни маялась. В группе шум, суета, работа неинтересная—то пол моешь, то посуду, то обед накрываешь. Нет, думаю, не для меня это и вообще не для человека с десятилеткой, правы были бывшие одноклассники, когда смеялись надо мной. Пошла к заведующей детсадом, она мне и говорит: «Может, и правильно, что ты увольняешься. Рук у нас, правда, не хватает, но тебя удерживать не стану. Ты же ведь знаешь, жалуются на тебя: и воспитатели и родители. Работа не по душе— вот и не справляешься». И знаете, что так задело меня в ее словах, что неожиданно для себя я сказала: «Попробую еще месяц...» Честно говоря, не хотелось оставлять по себе плохую память. И начала делать все старательно. И вдруг чувствую, что все это вовсе не тягостно. Ребятишек нельзя не полюбить: занятые, трогательные и делаешь все для них с удовольствием. Так что задержалась я пока здесь. На работу иду совсем с другим чувством, чем раньше. Начала подумывать: может, на воспитателя учиться? Но это пока неопределенно...»

Не знаю, как сложится жизнь этой девушки дальше. Наверное, оглядится—выберет себе дело постоянное, не временное. Но даже и на этой временной, неквалифицированной работе открыла она для себя очень важное: любое дело, если относиться к нему добросовестно, одарит радостью. А без этой радости не может быть чувства уважения к себе, чувства внутреннего достоинства.

Самооценка иного человека зависит от причин внешних, преходящих, случайных. Обыватель, к примеру, встречает «по одежке» не только незнакомого гостя, но и свое собственное отражение в зеркале. Положим, добыл модные джинсы—преисполнен спеси, не добыл—полагает себя униженным. Поступил в вуз—важничает, распускает павлиний хвост. А то, что будущая профессия не по душе, его не беспокоит: лишь бы диплом. Не поступил—у него «комплекс неполноценности», обида на всех, зависть.

Впрочем, тут надо сделать кое-какие оговорки, поскольку зависть зависти рознь. Различны формулы...

Одна гласит примерно следующее: у меня этого нет—значит, другому оно досталось незаслуженно.

Но существует и другая формула, зовущая к честному соперничеству, побуждающая к творчеству, к труду, к напряжению всех сил. Она звучит так: ты чего-то достиг—я искренне рад твоему успеху, но я устремляюсь вслед и постараюсь сравняться с тобой, а может, кто знает, и превзойти...

Французский писатель Жюль Ренар записал однажды в дневнике: «Не будь Виктором Гюго: это может привести в ярость!»

Он позавидовал таланту великого мастера, однако разве он желал ему зла? Наоборот, он восхищался соперником, он любил соперника и работал как одержимый, пытаясь дотянуться до него. Не дотянулся, не смог... Не занял столь же высокого места в литературе, как Гюго. Но он сотворил прекрасные книги. И сейчас, спустя почти семьдесят лет после его смерти, мы с огромным удовольствием и большой пользой для себя читаем его повесть «Рыжик» и знаменитый «Дневник». Он прожил жизнь в непрестанном труде и напряжении и именно поэтому был счастлив.

Самолюбие, если оно есть у человека, далеко не всякую удачу приемлет, далеко не всякой победой счастливо. Мне вспоминается известный в свое время ленинградский спортсмен Юрий Ш., который на легкоатлетических состязаниях, выступая в бегах на восемьсот метров, неизменно занимал второе место, причем проигрывал несколько раз подряд одному и тому же сопернику. Конечно, он ему завидовал, конечно же, мечтал хоть однажды добиться чемпионского титула. И вот случилось как-то, что из-за болезни чемпион не смог выйти к старту очередного состязания. В его отсутствие Юрий без труда выиграл финальный забег и стал наконец первым, стал чемпионом. Цветы, аплодисменты, поздравления. Цель, казалось бы, достигнута, не так ли? Однако Юрий отнесся к выпавшим на его долю почестям довольно небрежно, даже как будто иронически. «Это золото,—сказал он друзьям,—имеет цвет серебра. А серебро я умел добывать и прежде...»

Вот, значит, как. Победа обесценивается, когда она добыта слишком легко, и никакие почести не возместят этого убытка. Самолюбие, если оно есть у человека, не приемлет случайно доставшихся наград. И вообще не о наградах речь, ибо награды, как и праздники, редки. А в будни мы работаем,

просто работаем, и счастлив тот, кто научился высекать искры радости из этих будничных забот, из самого дела.

Не верится, что корреспондентка из Могилева искренне считает себя маленьким человеком. За таким утверждением нередко обнаруживается маска ложной скромности, прикрывающая удобную эгоистичную позицию. При любых обстоятельствах, в самых простых и в самых сложных жизненных переплетках стоит только сказать: «Я человек маленький»,—как тотчас теряют всякий смысл и претензии окружающих и укору собственной совести. Причем профессия или должность не играют тут никакой роли.

«Я всего лишь стрелочник». «Я всего лишь самый старший технолог». «Я всего лишь директор завода». Никакой разницы! Если тебе неохота отвечать полной мерой за то, что ты делаешь.

...На одной из московскихстроек познакомился я как-то с Антониной Смуровой, звеньевой маляров. Ничем особенным это звено не отличалось, но числилось на хорошем счету: девчата работали умело и добросовестно. Они были веселы и деловиты, и чувствовалось, орудуя кистью и валиком в охотку, непринужденно, словно бы играючи,—это, между прочим, верный признак мастерства, настоящего профессионализма. А когда закончили отделку очередной квартиры, когда уже уходили, Тоня огляделась в последний раз и не без гордости сказала:

— Неплохая квартирка получилась, а?

Вот в этой возможности полюбоваться делом рук своих, в этом чувстве гордости—главная награда мастера. Любого мастера—будь ты и в самом деле гений, как Леонардо да Винчи, или просто хороший, добросовестный маляр, повар, слесарь...

Э. ДОЛОТ

МЕНЬШЕ УСТАВАТЬ — БОЛЬШЕ УСПЕВАТЬ

«Посоветуйте, пожалуйста, каким должен быть режим дня десятиклассника? Наверное, невозможно расписать его по всем медицинским правилам, если приходится заниматься по двенадцать, а то и тринадцать часов в сутки?.. И все-таки что нужно делать, чтобы меньше уставать?»

Таня Киселева, г. Хабаровск.

Да, трудный, ответственный год—вам и раньше говорили учителя, родители, что он будет именно таким. Школа, домашние уроки, факультативные или самостоятельные дополнительные занятия—это не меньше десяти—двенадцати часов. А вот Таня называет цифру «тринадцать»—огромная нагрузка. Кто-то занимается еще больше, а выполнить все заданное успевают не всегда.

Как же сделать, чтобы уставать меньше, а успевать больше?

Каждый, наверное, замечал: через несколько часов занятий без отдыха наступает вдруг такой момент, когда перечитываешь одно и то же по нескольку раз, а смысла никак уловить не можешь, не запоминаются названия, даты, формулы. После долгого умственного напряжения работоспособность резко падает. А если так повторяется систематически? Один чувствует, творится с ним что-то неладное: пропускает буквы, делает досадные описки в алгебраических примерах—их раньше не бывало... Другой жалуется на постоянные головные боли, бессонницу—спать вроде бы очень хочется, да никак не уснуть. Вполне возможно, что это уже симптом истощения нервной системы.

Даже если вы совершенно здоровы и никогда не имели встреч с врачами по серьезным поводам, не переоценивайте своих сил. Задумайтесь, почему на производстве сокращен для подростков рабочий

день. Действительно, почему высокие, сильные парни со спортивной выправкой должны работать меньше, чем, скажем, женщины предпенсионного возраста?

Да потому, что в 16—17 лет человек еще растет, а развивающийся организм неустойчив к неблагоприятным воздействиям внешней среды. Он особенно остро реагирует на духоту помещения, неудобную одежду, нерегулярное питание, большие физические или умственные нагрузки, тем более если они свалились вдруг, если он к ним не подготовлен. Поэтому так часто у старшеклассников переутомление.

Не хочу запугивать, но со всей серьезностью говорю: будьте к себе внимательны. При тех же нагрузках всего этого можно избежать, если разумно организовывать свой день, свою неделю.

В десятом классе ребята нередко расстаются со спортивными секциями—не до спорта: вернешься из школы домой, а завтра шесть уроков один труднее другого, голова кругом—с чего начать? Как бы ни было велико количество заданного, начинать надо с отдыха. Нет, нет, не с книги, даже если чтение легкое, развлекательное, и не с шахмат.

Необходим свежий воздух, прогулка. Лучшее всего, конечно, пробежаться на лыжах, если поблизости от дома парк, лес, или заглянуть на ближайший каток. Можно поиграть в мяч. Поверьте, это не украденный у занятий час. Он взбодрит вас, и работа пойдет быстрее.

Постарайтесь выкроить хотя бы 15—20 минут, а лучше полчаса и для прогулки перед сном. Утром вставайте пораньше, чтобы идти в школу, даже если она неблизко, пешком. Таким образом, небольшие кусочки времени сложатся в 1,5—2,5 часа, которые вы проведете на воздухе.

Перед тем как сесть за уроки, не забудьте проветрить комнату: нельзя рассчитывать на хорошую работоспособность, если в комнате душно. Через каждые 1,5—2 часа занятий стоит делать перерыв—5—10 минут физических упражнений. Это тоже предупреждает утомление. Походите по комнате, поднимите руки вверх—вдох, опустите—выдох, еще раз, еще. Затем сделайте несколько наклонов, приседаний и опять походите... Такие упражнения углубляют дыхание, улучшают кровообращение, и вы заметите, что работа снова пошла хорошо, как в начале занятий.

Кстати, если вы не делаете по утрам зарядку, введите ее в свой режим, не откладывая, ведь занимает она всего 8—10 минут, а польза ее очень велика: быстро снимает сонное торможение, улучшает работу сердца, легких, повышает обмен веществ.

Исследования, проведенные врачами-гигиенистами, показывают, что школьники очень много времени проводят у телевизора. Правда, старшеклассники более разборчивы, смотрят не все подряд, но примерно половина десятиклассников все-таки сидит перед экраном по два часа в день. Но ведь это не отдых, а напряженная зрительная работа, которая не снимает утомления, а, наоборот, усугубляет его. Конечно, есть передачи, которые вам необходимо смотреть. Но попробуйте отнестись к своему выбору требовательнее.

И, конечно, телевизор не должен конкурировать со сном. Если интересная передача идет поздно вечером, заставьте себя оторваться от экрана и лечь спать. Сон—лучший отдых для мозга. Он охраняет нервные клетки от истощения. Десяти-

класснику полагается спать не менее 8,5 часа.

В период большой нагрузки, нервного напряжения важно правильное питание. Не уходите в школу, не позавтракав, и не заменяйте завтрак бутербродом, проглоченным по дороге. Хорошо бы съесть два яйца всмятку или яичницу, молочную кашу, хлеб с маслом и выпить стакан молока, чая или какао. Не забудьте второй раз позавтракать в школе на большой перемене, а придя из школы, обязательно пообедайте. Не ленитесь разогреть для себя обед, сделайте на закуску салат из сырых овощей—капусты, моркови—это очень полезно. Во время одного из перерывов в занятиях выпейте стакан молока или кефира с булочкой. На ужин рекомендуется легкая пища—овощи, творог, каша. Стоит побольше есть сладкого, если оно не противопоказано по каким-то причинам.

Здесь нужно, наверное, сказать несколько слов о чашке черного кофе. Многие

старшеклассники начинают активно прибегать к этому взрослому напитку. Можно слышать: «Я не маленький, чтобы пить молоко», или: «Выпьешь кофе, сразу чувствуешь себя бодрей, быстрее все усваиваешь». Да, на какой-то момент действительно появляется бодрость, но такое возбуждение не проходит для организма бесследно.

Скоро наступят осенние каникулы, не за горами и зимние—вторая четверть короткая, не успеешь оглянуться... Кто-то планирует посидеть каникулярные дни над учебниками, чтобы наверстать все, что не успел в течение четверти. Вот этого делать не следует. Можно позаниматься два-три часа в день, можно сходить в театр, в кино, но все-таки основную часть времени проводите на воздухе. Лыжи, коньки, прогулки помогут быстро восстановить силы, подготовить организм к будущей работе.

Т. ЯППО,
кандидат медицинских наук

Мамины уроки

нет. Возможно, тут ему нужен был твой совет. А вот приглашать тебя на эту встречу он ни в коем случае не должен был. Этим он поставил в неловкое положение вас обеих. А тебе, конечно, не стоило соглашаться на его предложение. Поставь себя на место той девушки, разве не обидно было бы тебе? И в следующий раз перед тем, как принять какое-то решение или совершить какой-то шаг, подумайте, не будет ли ваше поведение бестактным.

«...Мы с подружкой возвращались из кино, на встречу шел знакомый. Я, конечно, с ним поздоровалась. Подружка же меня одернула, сказала, что девушке неприлично первой здороваться с парнем. Он обязан сделать это сам.

Римма А., г. Баку».

«...Нужно ли благодарить парня, если он открывает передо мной дверь, подает пальто, помогает выйти из автобуса и так далее, или это его обязанность?

Валя К., г. Калининград».

«Должен» «обязан»—не слишком ли вы требовательны к юношам? Вежливость не обязанность, а душевная потребность, форма добрых отношений между людьми. Она лишь тогда хороша, когда естественна, доброжелательна, когда руководит ею не рассудок (как лучше?), а сердце (только так!). Да, истари принято, что старшие и более слабые (а женщин считают «слабым полом») заслуживают особо бережного отношения, что окружающие заботятся прежде о них, а уж потом о себе. Потому и повелось, что младший первым приветствует старшего, мужчина—женщину: здоровается, слегка кланяется, снимает или приподнимает головной убор. А вот руку не протягивает—ждет, когда ее подадут (или не подадут) ему. Так же обстоит дело со всякого рода мелкими услугами и знаками внимания. Хороший, добрый обычай, и нам нет никаких оснований от него отказываться, пренебрегать мудростью поколений. Но требовать внимания да еще прикидывать при этом, заслуживает ли оно благодарности, право же, не стоит. Веет от этого галантерейной пылью церемонных отношений «любезных кавалеров» и «кисейных барышень».

В народе говорят: первым здоровается тот, кто вежливее. И лучше поблагодарить зря, чем не поблагодарить вовсе.

Так что не бойтесь быть вежливыми. Не скупитесь на «спасибо» и «пожалуйста». Право же, с ними лучше живется и вам и всем вокруг вас.

«Дружила я с парнем. Любила его. Да и сейчас люблю. Но вчера...

Дело в том, что одна незнакомая девчонка прислала ему письмо и попросила прийти к ней на свидание. Он предложил мне поехать на эту встречу вместе. Я согласилась. Но потом он мне сказал: «Я к ней подойду, а ты постой в стороне, пока мы поговорим». И я обиделась. Почувствовала в его словах неуважение, недоверие ко мне. Высказала все ему напрямик и ушла.

Правильно ли я сделала? Может, мне действительно следовало «постоять в сторонке»? Может, ничего обидного в этом и не было?

Люба К.».

Нет, Люба, парень, с которым ты дружишь, вел себя, пожалуй, неправильно.

Давай разберемся. Девушка предложила ему встретиться, хотела о чем-то поговорить, следовательно, она рассчитывала, что он придет один. Пусть это не лучший способ знакомиться. И дело юноши было решить, идти на это свидание или

ОСТАЕТСЯ ДОРОГА

Т. АЛЕКСАНДРОВА

Желания одинаковой остроты.

Побывать там, где родился, даже если почти и не жил в тех местах, и на доньшке памяти не связанные меж собой ощущения: четкий стук, вдруг обнаруженный в собственной груди, морозный запах материнского пальто, о которое трещась щечкой...

Или приехать через много лет в город, где строил первые дома, пусть ни родных, ни близких друзей здесь не осталось, просто так приехать, побродить по улицам, ловя себя на ревности к тем, кто живет тут сейчас: «Эх, да что они знают?! Вот рассказать бы им...»

Может, и доведется когда-нибудь Тамаре Агафоновой ехать дорогой Белорецк — Чишмы, смотреть в окно, отключившись от нескончаемых разговоров, какие где нынче хлеба да какие дожди, и вспоминать... Только разве успеешь все вспомнить, за какие-нибудь три-четыре часа отстучит курьерский расстояние, на которое ушло у строителей четыре года, коротко громыхнут один за другим мосты, на минуту, не больше, вспыхнет свет в купе, и электровоз, почти не сбавляя скорости, протаскает нитку состава сквозь плотный чугунный гул тоннеля. А кто-то, может быть, даже не заметит этого мига и, бросив взгляд на кружащиеся за окном горы, на лилово-желто-красную россыпь цветов у подножий, выдохнет всей грудью: «Благодать!» — и не задастся вопросом, давно ли в этой «благодати» дорога. А Тамара по своей деликатности не вмешается в разговор: «Мы этот путь тянули»...

Почему появился он здесь, нетрудно понять, лишь взглянув на карту. В буро-коричневых пятнах Урала затерялся Белорецк, в близком соседстве с ним — Магнитогорск. Металлу Магнитки, направляющемуся в Поволжье, Центр, на Украину, нужен кратчайший выход на главные железнодорожные магистрали. Таким выходом и станет новая электрифицированная трасса от Белорецка до уже существующей станции Карламан — 204 километра, через горы, горные реки, электрифицирован будет участок старой дороги от Карламана до Демы.

Уже в будущем году пойдут здесь тяжелые составы с магнитогорским и белорецким металлом, лесом с верховьев Белой, а в обратном направлении — из Поволжья в район Магнитогорска — двинется поток других нужных грузов... Дорога не только сократит транзитные перевозки. Прокладывается она по башкирским землям и открывает для республики новые перспективы — развитие лесной промышленности, горнодобывающей, строительных материалов.

Для кого-то из строителей эта дорога лишь очередная, для кого-то первая, но для тех и других она — испытания, уроки, без которых и себя-то толком не узнаешь. Это и житье бок о бок в маленьких поселках, где особенно постигаешь сложность человеческих отношений и открываешь порой для себя главные жизненные ценности.

Взгляды вслед. Не взгляды — объективы кинокамер: запечатлен общий план, средний, крупный... Здесь все друг друга знают и приезжий человек — нарушение привычного мелькания лиц. Кто таковой? Да и сам приезжий разве унимает свое любопытство? Хочется сразу все разглядеть, понять, что за жизнь тут течет. Щитовые домики с крыльчками вдоль забетонированной дороги — «главный проспект» временного поселка строительного-монтажного поезда-340. Но едва ступишь на него, как сразу что-то не вяжется с понятием «временный». Что? Ряды тополей или палисадники с пышноголовыми флоксами, мальвами, кустами смородины, малины, огуречными плетями? Но, может, все так и должно быть? Может, как раз от колесной жизни эта любовь к земле, цветам, способность обретать устроенный дом и на временной остановке?

«Проспект» оживлен — значит, рабочий день кончился. Навстречу люди с авоськами, разбухшими от свертков, — наверное, впереди магазин.

В гостинице, таком же щитовом домике с чистыми комнатами,

байковыми розовыми одеялами на полу вместо ковров, отдернешь оконную занавеску — и снова «проспект».

И уже отмечаешь знакомые лица. Только идут все сейчас чинно, неспешно — выход в кино. А выход в маленьком поселке не то что в большом городе: в чем на работу — в том и в театр. Он обяывает. На мужчинах — белые рубашки, на женщинах сочный кримплен. Все тут всегда на виду. Не очень-то просто так жить. Но уедешь — не начнешь ли ощущать потери?

...Николай Агафонов ушел в армию из точно такого же поселка. Стоял тогда СМП-340 в Ульяновской области, на станции Майна, а многие строители жили неподалеку, в Чуфарове. Вокруг Чуфарова — леса, воздух грибной; здесь поля, густой медовый аромат в жаркие дни — вот и вся разница. Тамара, проводив мужа, уехала к родным в Чувашию: Сашка родился, без близких в такой момент трудно. И Николай писал ей: «Отслужу — вернемся в свой СМП». И никаких планов кроме: «Скоро догоним свой поезд».

Что же так влекло назад, в свой СМП? Тамара улыбається моему вопросу, словно я спросила о чем-то настолько понятном, что и объяснять не требуется.

— Работа нравится...

Смотришь со стороны на монтаж пути — кино: так все захватывающе красиво. Двигается путеукладчик, подхватывает решетки из шпал и рельсов, готовые звенья дороги, опускает их на земляное полотно, и дорога уходит вперед двадцатипятиметровыми шагами — монтажники пути только успевай скреплять рельсы на стыках.

Но условия работы на трассе диктует погода: морозы, дожди, зной. Да и при всей современной технике труд монтеров нелегок, инструменты не ювелирные. Может, не женское это дело? Кончила Тамара десятилетку — наверное, мог быть другой выбор. Но она словно и не слышит моих доводов.

— Бригаду люблю — у Китаева я. Девчат много — Рая, Аня, Маша... Самую тяжелую работу берут на себя мужчины: так у нас заведено. Николай в этой же бригаде был. Вместе хорошо. Но сейчас он сам бригадир, уезжает за семьдесят километров, сразу на десять дней, а я волнуюсь: как он там?.. У него в бригаде только мужчины: женщин-то ведь каждый день нужно возить-привозить. Бывает, задержимся на трассе, но в детском саду воспитатели, нянечки никогда не выговорят, что поздно ребенка забираешь. Здесь у всего поселка одна работа, и все как свои.

Неоценимо, если рядом свои, надежные люди...

Ранней весной случилось в поселке несчастье: внезапно умерла Мадина Мусина, веселый, добрый человек, прекрасная работница... Не было дома, где бы не забеспокоились: «Что будет с детьми? Совсем одни...» Их решила взять к себе тетя — живет она в Гурьевской области. А школа? Хорошо ли менять школу среди учебного года? Многие готовы были принять детей Мадины в свою семью. Но председателю сельсовета Кефая Гариповна Салихова пришла к Ирине Васильевне Дмитриевой, инспектору отдела кадров СМП.

— У тебя такие хорошие девочки, вот с ними бы Гульфии и Ильдару пожить

Та ойкнула внутренне: к своим четвертым еще двоих! Но после работы забежала за Гульфией:

— Пойдем к нам, посмотришь, как живем...

...Гульфия взахлеб рассказывает, как суматошно и весело в доме, когда много детей, как бывает хорошо, когда «наша бабушка приходит», — «наша бабушка» — мать Ирины Васильевны, какая «настоящая художница» наша Марина...

В альбоме у Марины — скачущие кони, дамы в платьях, расписанных причудливыми цветами и птицами, профиль Ромео, профиль Джульетты, а на послешекспировских страницах совсем другая жизнь: берег Инзера, железнодорожный мост через реку, новая трасса... Мир взрослых здесь очень близок детям.

Десятилетняя Леля Дмитриева ведет меня поселком, крепко держа за руку, чтоб внимание мое не ускользнуло: сообщать-то надо многое!

— Тут наша библиотека и библиотекарша Венера... С того вон крыльчечка вход — Колчев живет. Вы Колчева не знаете? Не знаете? — Дуги бровей уплыли от удивления за прямую челку, как за заборчик. — Он знаменитый бригадир. С орденами...

Леля, не отпуская моей руки, вывела меня к станции.

— Путей видите сколько новых проложили? Станция большая стала. Мама говорит, дорогу закончим—поедем дальше. Куда поедет? Не знаю, пока приказа нет.

«Аска» уходит на трассу в восемь. «Аска» — маленький самоходный вагончик, а столь домашняя кличка — слившиеся буквы его марки.

Едет на работу бригада Агафонова, и Николай, привстав со скамейки, пересчитывает всех глазами. Опоздаешь на минуту — прогуляешь сутки, до следующего рейса.

За окном легко бегущего вагончика поля, необъятные, ровные, и не верится, что где-то впереди, совсем близко, Уральские горы.

— Подъезжаем к Белой! — прокричал на ухо Виталий Филиппович Черкасов — главный инженер СМП.

Я сижу рядом с ним в маленькой кабинке машиниста. Взглянуть бы на дорогу его глазами! Но он сдержан, немногословен, да и не разговоришься под стук колес. Загудел мост над Белой — он кивнул вниз, на следы шпал, ведущие к воде:

— Временная дорога была, временный низководный мост, пока строили основной. Ждать его не могли: нужно было перебрасывать технику, грузы, возить людей, идти дальше... Паводок и этот путь отрезал, мост снимали.

И все. Догадывайся сама про тревогу дней паводка, который корежил графики, «смывал» сроки, про приказы, отменяющие выходные, про нервные бои с субподрядчиками, задерживающими сдачу моста.

...Вот и первая станция — Архангельская. Название — от районного центра, но само Архангельское в нескольких километрах отсюда, за большой холмом, не видно. Строится вокзал, двухэтажные дома, большой торговый центр — все для будущей налаженной жизни. И тут же, неподалеку от новых домов, — вереница вагончиков, колесное жилье энергомонтажников из Новокузнецка. Стройка всеоюзная, и поезда, мехколонны — с самых разных концов страны.

«Аска» бежит дальше. Низкорослый кустарник вдоль полотна.

— Здесь селились журавли...

Птицы, воспетые поэтами, селятся на болотах. С водой встречались строители на каждом шагу: реки, речушки, ручьи... Спрямили русло речки Ирныкши, чтобы обойтись одним мостом вместо двух, построили два путепровода, заложили под насыпь 239 бетонных водопропускных труб.

Вагончик чуть замедляет ход: впереди мост над Инзером. И еще будут инзерские мосты, еще не раз увидишь эту змеистую бездесущую реку, дорога то перемахнет через нее, то пойдет долиной, то прижмется к самой воде под натиском гор. С высоты моста Инзер кажется безобидно тихим, да и время для него сейчас спокойное...

На разезде Азово набиваются в «аску», и без того уже переполненную, быстроглазые башкирские ребятишки, загоревшие до африканской черноты, с лукошками, бидонами для ягб, старухи, заматанные в цветастые платки, хоть уже и поутру жара несусветная. В соседнюю деревню направлялись чай пить. Уже привыкли к быстрому транспорту, а раньше все пешком да пешком.

...«Аска» подходит к «Курской дуге». Почему «дуга» — ясно: дорога огибает излучину Инзера, река у самой насыпи. А почему «Курская»? Взрывникам пришлось тут туго, пока отвоевали у гор место для полотна.

Скоро конечная остановка — тоннель. В тоннеле еще не проложен путь, и бригада Агафонова поедет дальше на машине, и Черкасов с ними: принимать у мехколонны земляное полотно. Всего несколько километров осталось строителям, тянущим новый путь от Карламана до Ассы. Здесь встретятся они со строителями, которые идут от Белорецка, здесь будет забит последний костыль.

Никак не успеваю за Лидией Витальевной Славновой. Она шагает впереди в полутьме тоннеля быстро, уверенно, совсем не глядя под ноги, и ноги, видно, давно изучившие ширину тоннельных колец, попадают точно на стыки. 450 метров, 559 чугунных колец, швы — свинцовая чеканка, сплошной металл.

Мы выныриваем из подземной прохлады на жаркое солнце. Лидия Витальевна щурится от ослепительного света, снимает проходческую каску, и я вдруг обнаруживаю, что опытный, так мне, сказал начальник участка, маркшейдер — совсем молодая женщина.

Опускаемся на камни чуть в стороне от портала, и смотрится он совсем незначительным отверстием в огромной каменной глыбе, испещренной следами буров. Лидия Витальевна перехватывает мой взгляд.

— Все камень, камень... В прошлое лето делали здесь выемку — думала, сгорим заживо на раскаленных камнях. Солнце-то вон какое!

Когда летела сюда три года назад, радовалась перемене в жизни: такой она была своевременной! Перед этим работала два года сменным маркшейдером на строительстве Харьковского метро и вдруг... заскучала. Правда, не может она сказать, что всю свою сознательную жизнь была без памяти влюблена в маркшейдерство. Поступая в Ленинградский горный, выбрала маркшейдерское дело из-за магии незнакомых красивых названий и без особого трепета постигала науку сложных измерений, соединившую в себе и математику, и физику, и астрономию, и геодезию, и геологию.

После института работала восемь лет в городе Антраците, в шахте, и в общем-то с удовольствием работала. Что же случилось в метро? Бывает, наверное, так: все у человека ладится, все ему нетрудно, ясно — и, может быть, именно поэтому скучно. Как скучно плыть со спасательным поясом, не волнуясь за свои силы, не испытывая никакого азарта. Тут-то и услышала Лидия Витальевна, что «Харьков-метрострою» поручен железнодорожный тоннель на Урале, что СМП-121, стоящий в Харькове, разместил уже в горах один из своих участков.

Поселок в несколько домиков, вплотную горы, покрытые глухими лесами. Веснами слушаешь воздух: ждешь не дождешься вертолета — единственная связь с миром. Прилетит — будут хлеб, письма, газеты...

Месяца через два после ее прибытия приехал сюда муж с дочкой. Инке в ту пору еще семи не было. Куда деть? Детсады-то нет. Пришлось определить в школу. Школа в поселке начальная — восемь учеников, одна учительница на три класса. Занятия были в разгаре, так что пришлось Инке помогать, просиживать с ней все вечера.

Но это фон. Фон работы, ради которой сюда ехала. Тут уже не до скуки, когда сам себе и трем сменным маркшейдерам голова. И сколько от тебя зависишь! Ориентировать тоннель, чтобы точно по центру «нанализались» на его ось, на эту невидимую нить все многотонные чугунные кольца.

— Сложность в том, чтобы никогда не ошибиться. Никогда! Представляете, что такое маркшейдерская ошибка? Работа множества людей насмарку.

Надо, наверное, много сил, чтобы жить под постоянно висящим над тобой дамочным мечом: никогда не ошибиться, никогда.

— Часто говорю себе: ты должна быть спокойна. На тебе расчеты. Не имеешь права нервничать. Но как не нервничать? Кольцо смонтировано, встал на место последний, самый маленький тубинг — замок. Все в порядке. А измерения обнаруживают лишние миллиметры по горизонту, недостающие — по вертикали. Не кольцо — эллипс! Нужно его тянуть! Нужно убедить в этом бригаду, начальника участка, если он считает, что ошибка не стоит переделки. Не убедишь — перекричать! И нервничаешь, конечно...

А я думаю, какой отваги требовал «крик», когда начались тяжкие для проходчиков дни, когда хлынули пльвуны, неожиданные, не отмеченные изыскателями, когда видела Славнова, как изматывались люди, пытались закрепиться в горе, когда удавалось продвинуться вглубь лишь на два метра за целый месяц.

Тоннель непредвиденно опаздывал. Потому и открыли второй забой. С другой, противоположной стороны горы. И задача маркшейдеров усложнилась: теперь нужно сбить точно по оси два отрезка тоннеля.

— Была уверена в наших расчетах. Но отчего так волновалась? — Мне кажется, Лидия Витальевна пытается сейчас разобраться в том, уже прошедшем своем состоянии. — Проходчикам оставалось десять метров до встречи — забурили по оси с запада на восток, а скважина не просматривается. Ни секунды не сомневалась: это бур ушел в сторону, не могли мы так ошибиться! Но начались разговоры, пари: собьемся, не собьемся, знаете, каково это было слышать? А накануне сбойки вдруг перестала чувствовать время. Утро, день — не пойму. Последний взрыв — сквозной ветер в лицо. Сбойка! Отклонение по оси — ноль. Редкость в маркшейдерской практике. Могло быть отклонение десять миллиметров — хорошо, двадцать — неплохо. Ноль, вероятней всего, случаен, но все-таки ноль...

Во время моего приезда работа шла к концу. Маркшейдеры устанавливали в тоннеле путевые реперы — металлические стержни на бетонных площадках. На стержнях — точки, отметки уровня головки будущих рельсов. Скоро положат твердое основание для пути, путевой бетон, рельсы, в последний раз сделает Лидия Витальевна Славнова свои контрольные измерения...

Когда Лидия Витальевна провожала меня на «аску» и мы шли зарослями зверобоя, душицы; она сказала вдруг: «Наш поселок, кажется, не снесут. Отдадут под турбазу: он же так красиво стоит!» Я поняла, отчего ей не все равно — снесут, не снесут. Остается здесь дорога, остается тоннель, и не хочется, чтоб исчез поселок, в котором много пережито.

ТАК ЗРЕЕТ ТРУДОЛЮБИЕ

Мы несправедливы порой к прописным истинам. Полагая, что они сами собой разумеются, мы не даем себе труда глубже вникнуть в их смысл. Они-де элементарны, и, следовательно, тут нечего мудрить. Кому, скажем, неведомо, что у ребенка надо воспитывать любовь к труду? О том говорит каждая педагогическая книжка. И сама мысль кажется настолько бесспорной, что и доказывать не нужно. Между тем...

Взрослого, как известно, побуждают к труду сознание его жизненной необходимости, ожидание благ, которыми он будет оплачен, чувство долга. Но любовь к труду — самостоятельный побудитель деятельности.

Работа, которую делает взрослый, не всегда интересна и увлекательна, она требует усилий, терпения, настойчивости. И все же дело, исполненное без любви, не даст того, чего от него ждут. Оно может оказаться лишенным той красоты и добротности, какими отличается каждая с любовью сделанная вещь. Теперь о детях. Было бы странно да и безнравственно приохотить ребенка к труду обещанием вознаграждения за него. Но и полагаться сразу на понимание трудового долга преждевременно — его еще надо сформировать. Приходится идти от интересности самой работы, от того увлечения, какое она способна вызывать в детях. Однако и увлечения часто временны, неустойчивы. Им далеко до той глубины и стойкости, которые способна гарантировать лишь подлинная любовь к труду.

Как видим, любовь к труду находится в непростых отношениях с другими побудителями трудовой деятельности. И отнюдь не заменяется ими. Какова же природа трудолюбия? Как оно формируется?

Глубоко прав великий русский педагог К. Д. Ушинский: «Без личного труда человек не может идти вперед, не может оставаться на одном месте, но должен идти назад».

По-иному и быть не может. Ведь труд — это постоянная устремленность к цели и напряжение воли. Неутомимый поиск и творческая догадка. Логический расчет и упорство в преодолении трудностей. Товарищеская взаимовыручка и наслаждение рождающейся из наших рук красотой. Иначе говоря, это живой мир для развития человеческой личности.

Мы работаем не потому только, что понимаем жизненную необходимость труда, что он обеспечивает нас заработком, что нами повелевает чувство долга. Мы работаем и потому, что лишь таким путем можем поддерживать и развивать свою человеческую природу. Любовь к труду и есть то чувство, которое каждый день позволяет нам свободно и радостно утверждать себя человеком.

Где истоки этого чувства?

Развитие рода людского не прошло бесследно для задатков человека. Уже двух-трехлетний малыш настойчиво тянется к труду, выражая этим свою человеческую натуру. Вот он, драгоценный росток, из которого вырастет могучее древо трудолюбия! Его сердцевина — потребность в самих трудовых усилиях как действиях созидания, творения. Вначале случайные и неумелые, эти усилия благодаря приобретенным знаниям, умениям, навыкам становятся все более уверенными и точными, гибкими и сложными, богатыми и свободными.

А вместе с ними формируется общее деятельно-трудовое отношение к жизни, выковывается воля, складывается характер. Подрастающий человек созревает как личность.

Высшая эмоциональная ступень такого развития — благородный и бескорыстный азарт труда, который овладевает человеком и вдохновляет его на большие планы и дела. Тысячи биографий выдающихся личностей свидетельствуют: великий человек — это прежде всего великий труд. Но разве и каждый из нас все лучшее в себе не открывает окружающим первым делом через плоды своего труда?

Так происходит и при разумном воспитании. Но худо, когда на пути пробивающейся потребности неожиданно встает преграда, воздвигнутая любвеобильными родителями: «Гуляй, играй! А работать еще успеешь. Еще натрудишься». Это родительское заблуждение так часто осуждалось, что как-то неудобно повторяться. Но не пора ли вскрыть до конца причину его живучести и тем заставить каждого отца, каждую мать взять на себя всю ответственность за последствия?

В основе такого заблуждения — пережитки прошлого, когда труд был уделом неимущих. Нет, взгляд этот не отрицает значения работы в жизни людей. Но видит в ней лишь вынужденную необходимость, некое «божье наказание», наложенное на человека. Поэтому чем позже удастся подчиниться этой необходимости, чем в более легкой форме она предстанет, тем лучше. Отношения старого общества, где один трудился, а другой паразитировал на его труде, возводятся в конечный вывод мудрости земной. Но в том-то и дело, что, творя машины, хлеб, дома, бесконечный мир вещей, мы творим и самих себя. Такое самосозидание начинается с первых детских лет.

«Вы хотите лишить детей игры, заменив ее трудом, — скажет иной читатель. — А наука объясняет, что ребенок в своем развитии проходит три ступени: игра — учение — труд. Зачем же перескакивать через ступени?»

Да, первая ступень детской жизни — игра. Но присмотритесь: во что играет ребенок? В машиниста или вагоновожатого, летчика или пограничника, шофера или продавца, доктора или почтальона. Иначе говоря, в труд, в профессию. Уже с самого начала намечается путь от игры к реальности. Малыш возит за собой игрушечную машину, а ребенок постарше старается разобрать ее на части, переконструировать. Маленькая девочка просто баюкает куклу, а постарше поит и кормит ее, лечит и шьет ей платье, делает физзарядку, «воспитывает» ее. А вспомним, с какой легкостью дети бросают игрушки, услышав от взрослого «помоги»: «Помоги убрать комнату», «Помоги готовить обед».

Так же взаимосвязаны игра и учение. В ходе игры малыш учится необычайно многому. И так легко, успешно, что это всегда поражало психологов и педагогов.

Выходит, уже первая — игровая — ступень детской жизни заключает в себе и вторую и третью. Попытки отделить одну ступень от двух других обедняют жизнь ребенка.

Когда юный озорник ломает молодые деревца или расписывает стены мелом, он играет. Но содержание игры ему, по сути, безразлично — лишь бы играть, забавляться. А ведь дошкольником начинал с подлинно содержа-

тельной, познавательно-трудовой игры! Не в том ли причина, что в ходе ребячьей жизни игра была отделена от труда и познания? А пустая игра развращает ребенка!

...Один учитель, он же отец, рассказывал мне: «Наши семиклассники создали электрическую цепь из сухой анодной батареи, электромоторчика, звонка, двух лампочек, выключателя. Из палок сделали подобие столбов с изоляторами, натянули провода. Усталые включают рубильник, электромоторчик начинает работать, звонок звенит, лампочки загораются. Сколько радости у ребят! Раньше они думали: электричество — недостижимая для их ума и рук вещь. А теперь они умеют добывать электроэнергию и управлять ею. Когда мой сын сделал для семьи простейший радиоприемник, который так ясно заговорил, радости мальчика не было границ. Он стал веселее, смелее, еще старательнее стал учиться».

Что это: игра, учение, труд? Ответить не просто, потому что здесь они слились воедино. При этом ничто не утратило своей специфики. Ребятам пришлось немало и терпеливо потрудиться. Понадобилось и в учебник заглянуть, и с товарищами посоветоваться, и самостоятельно поособообразить. А разыгравшаяся фантазия увлекла видением целого, подсказала неожиданные находки, маленькие изобретения.

Не таков ли по своему внутреннему содержанию производительный труд? Он опирается на целеустремленную волю. Он требует постоянного учения, и тем настоятельнее, чем чаще по ходу дела возникают новые задачи. Он приносит человеку наслаждение от напряжения умственных и физических сил. Он радует своими результатами.

Так зреет трудолюбие как серьезное человеческое чувство. Растет и его активная нравственная сила.

Речь, естественно, идет не об умозрительной любви. Даже искренняя, но не подкрепляемая реальными трудовыми делами, она может оказаться пустой, лишенной нравственной цены. Совсем иное — действительная готовность и вкус к самому трудовому усилию, проявляемые в практической деятельности. Именно в этом «секрет» истинной любви к труду, которая есть мать всех человеческих достоинств. Точно так же, как отвращение к трудовому усилию лежит в основе всех видов лени и делает ее — по справедливому народному суждению — матерью всех пороков.

Трудовое усилие делает нравственным, когда его вдохновляет желание сотворить добро для другого. Ребенок вначале не думает об этом — он просто тянется к делу. Но когда видит, что сделанный им вещь или услуга оказываются полезными и вызывают благодарный отклик окружающих, его охватывает гордая радость. Гордость своей творческой силой, слитая с радостью добра.

Чем старше ребенок становится, тем шире распространяется естественная потребность делать добро. Огромное значение здесь имеет приобщение детей к общественному труду — в нем радость доброго дела сливается с ощущением себя уже социально значимой личностью, с первым чувством гражданственности. Вернувшись из лагеря труда и отдыха, один из школьников писал:

«Жизнь в лагере явилась для меня определенной ступенью развития. Здесь мне пришлось преодолеть различные трудности. И не только физические. Часто требовалось перебороть себя, и мне очень хотелось это сделать, когда бывало трудно. В этих условиях я не только проверил, но и закалил себя.

Борис Н., 9-й класс».

Как много скрыто за сухими строчками! Молодость приходит к пониманию: труд не просто мускульное усилие. Труд — открытие мира и себя, испытание духа, воли, нравственного чувства.

А. ЛЕВШИН

...И замер зрительный зал.

КУКОЛЬНЫЙ ИЗ

Она коренная москвичка: в Москве родилась, в Москве школу окончила. В Москве поступила в институт театрального искусства. С третьего курса ушла на фронт. И в Москву с фронта в звании лейтенанта вернулась. А вот дальше жить дома — так она по привычке говорит о Москве — не пришлось. Был на руках сын-малыш. Его отца в День Победы в Кенигсберге подстерегла фашистская пуля. И она — мама-Зоя, Зоя Борисовна Длужневская, — решила уехать из Москвы. И уехала. В Ташкент. Однако в среднеазиатском климате «заговорили» о себе ранения и контузии военных лет, обострилась астма. По совету родных и врачей она приехала на север Ленинградской области, в Подпорожье. Тогда это было село, сейчас — город.

Стала работать в Доме культуры. И начала, по ее собственному выражению, «прирастать» к Подпорожью.

А куклы вошли в ее жизнь случайно. Как-то Зоя Борисовна была участницей очередного семинара при областном управлении культуры. Хореографы (а она была в Доме культуры именно хореографом) вышли во время перерыва

из аудитории. Кто-то закурил. Кто-то побегал в буфет. А она тихонько приоткрыла дверь соседней комнаты. Просто так, из любопытства. Открыла — и замерла в изумлении, как это бывает с детьми. За дверью двигались... куклы.

На том семинаре Зоя Борисовна и «заболела» кукольным театром. Общения с детьми — вот чего ей не хватало. Поначалу в кружке кукольного театра собралось восемь ребятшек — школьников первого и второго классов. Ребята были так малы, что представления давали «с табуреток», иначе вытянутая вверх рука с куклой не достигала границы ширмы.

После первого представления Зоя Борисовна вышла в зал, к зрителям, со всеми участниками спектакля. Маленькие кукловоды несли в руках «героев» только что сыгранных сценок. Они протягивали кукол зрителям: «Пожалуйста, смотрите, берите в руки, попробуйте «оживить». И нетерпеливые ребячьи ладошки сжимали тряпичные плечики Буратино, гладили

растрепанную паклю на голове Незнайки. Зоя Борисовна предложила ребятам:

— Хочешь, и ты научишься делать Буратино хитрым, веселым и ловким?

— А я смогу?

— Конечно, сможешь!

И пошло. Официально кружок работал два раза в неделю, неофициально он стал ежедневным, как бы слившись с другим кружком, «умелые руки». Благо и «умелые руки» ведет та же Зоя Борисовна. Вскоре ребята научились делать кукол не только для себя или в подарок маме, но и для представления. А костюмы для очередного спектакля — где ж и готовить их, как не в кружке «умелые руки»? Так же, впрочем, как и декорации.

Попутно, как и положено в творческом коллективе, обсуждали пьесы для будущих постановок, искали типажи для новых кукол, их наряды. Шли занятия и по технике речи и по вождению кукол. Осваивали дело осветители и те, кто командовал звукозаписью.

Сорок два человека — таков сегодня творческий коллектив Подпорожского кукольного те-

«Актёрская проба». Зоя Борисовна Длужневская (слева), Саша Тютрюмов и Марина Ишанкина знакомятся с «героями» будущего спектакля.

Фото А. БАХАРЕВА.

ПОДПОРОЖЬЯ

атра, в репертуаре которого одиннадцать спектаклей. Театр удостоен многих почетных дипломов на конкурсах и смотрах. А в 1972 году Подпорожскому самодеятельному кукольному театру было присвоено звание народного.

...Малиновая бархатная ширма чуть дрогнула, и из-за развесистого куста выглянула лукавая рожица Буратино. Круглые озорные глаза метнулись влево, вправо. Знаменитый нос лихо вскинулся к потолку.

— Значит, все в сборе? Все на своих местах? — спросил веселый голос. — Тогда начинаем! — Нос opisал в воздухе крутой завиток и торжественно замер.

И начался театр. То колдовское, волнующее, от чего сердце то замирает и проваливается, то начинает колотиться от безудержного веселья.

Театр... Если пройти за ширму и посмотреть на тех, кто творит его, невозможно отделаться от... удивления. Да-да, именно удивления, так одинаково упоенно, плечом к плечу работают малыши, скажем, девочки-второклашки, и мальчики, к которым уже неловко обратиться на «ты», например, выпускник ПТУ Саша Тютрюмов.

Когда о театральном увлечении Саши Тютрюмова узнала его бывшая школьная учительница, она удивилась.

— Ходит на занятия студии и не опаздывает? — спрашивала она Зою Борисовну. — Как, первым прибегает? И ничего не забывает? И ничего не ломает, не портит? Что — первый мастер?

А Зоя Борисовна посмеивалась. Она-то знала Сашины особенности. И потому к приходу Саши всегда был подготовлен «фронт работ», чтобы он видел: его ждут, он необходим. Если еще рано мастерить декорации к новому спектаклю, пусть сделает, чтобы у куклы-«врунишки» краснели уши. Приспособит электрическую батарейку и лампочки так, чтобы, стоило «врунишке» проштрафиться, тотчас начинали полахать ёго уши. Или пусть сколотит новую табуретку, или... Словом, деловитостью и сознанием полезности приводила Зоя Борисовна в порядок характер подростка.

А я думаю о высокой способности творчества «расколдовывать» ребячьи души, открывать в них пока еще дремлющие способности...

Жизнерадостен не только каждый из спектаклей театра, но и рядовые репетиции, просто занятия «умелых рук», когда, сидя вдоль длинного стола, ребята режут и клеят, шьют и раскрашивают, лепят, скочачивают, паяют и... фантазируют. Вносят свои предложения по режиссуре очередного спектакля. Придумывают веселые реплики для Буратино или Марфы Кузьминичны (смешной мимирующей куклы) — неизменных конферансье любого концерта.

У Зои Борисовны — большая и дружная семья. Ее сын и невестка — педагоги. У нее есть и внучка — первоклассница. И внук — малыш, который только учится ходить. И царят в доме дружелюбие и радость.

И все-таки самое прекрасное в ее жизни — театр. Жизнерадостный, искрометный, поучительный. Театр, который начинался «с нуля».

Ю. ХОРИЦКАЯ

П. СОКОЛОВ. ПОРТРЕТ Е. П. БАКУНИНОЙ.

О красоте этой женщины свидетельствовали многие. И в том числе Александр Сергеевич Пушкин:

В те дни... в те дни,
когда впервые
Заметил я черты живые
Прелестной девы и любовь
Младую взволновала кровь...

Екатерина Павловна Бакунина приходилась сестрой Александру Бакунину, лицейскому товарищу

Пушкина. Она появлялась на лицейских балах, летом подолгу жила в Царском Селе, и следы, оставленные «ногой ее прекрасной», искал поэт в царскосельских рощах и лесах.

«Я счастлив был... нет, я вчера не был счастлив, поутру я мучился ожиданием, с неописанным волнением стоя под окошком, смотрел на снежную дорогу — ее не видно было! — Наконец, я потерял надежду, вдруг нечаянно

встречаюсь с нею на лестнице. Сладкая минута!.. Как она мила была! Как черное платье пристало к милой Бакуниной!..» — восклицал Пушкин в своем лицейском дневнике.

Многие художники старались запечатлеть красоту Бакуниной. Известен рисунок О. Кипренского, два акварельных портрета П. Соколова (тот, что вы видите на нашей вкладке, относится к 1828 году). Есть основания пред-

**ЧЕРТЫ
ЖИВЫЕ**

полагать, что Екатерина Павлова изображена и на одной из акварелей К. Брюллова. Интересен и автопортрет Бакуниной, которая сама была незаурядной художницей, хотя и не относилась серьезно к своему дарованию. Но из всех перечисленных работ соколовские, бесспорно, выделяются. Сначала даже трудно сказать, чем. Ведь краски от времени несколько потускнели, бумага пожелтела... Но стоит внимательно приглядеться — и тотчас ощутишь живое тепло, которое они хранят, почувствуешь трепетное дыхание времени. Красота Бакуниной как бы оживает. И невольно вспоминаются пушкинские строки.

Знал ли художник П. Ф. Соколов о чувстве, которое внушила Бакунина великому русскому поэту, знал ли строки, посвященные ей? Об этом можно только догадываться...

Художник и поэт были знакомы. Созданный Соколовым акварельный портрет Пушкина (его датировка условна: 30-е годы) можно и сегодня увидеть в домемузее на Мойке, в Ленинграде. Возможно даже, что знакомство их не было мимолетным. Когда петербуржец Соколов приезжал в Москву, он останавливался в доме П. В. Нащокина, друга Пушкина, у которого не раз гостил и сам поэт. Небольшая комната в верхнем этаже нащокинского дома так и называлась «соколовской». В этой «соколовской» комнате жила и поэт в дни его приездов в Москву.

Могли они встретиться и в других домах. Но вполне возможно, что Соколов и не подозревал об увлечении поэта Бакуниной, просто его понимание красоты было сродни пушкинскому.

Про Петра Федоровича Соколова (1791—1848 гг.) известно, что он учился в Академии художеств по классу исторической живописи. А закончив учение, увлекся техникой акварели. Стал писать маленькие портреты на заказ. Спрос на эти портреты в ту пору был велик. В сущности, они заменяли нынешнюю фотографию. В повести В. Соллогуба «Тарантас», особенно популярной в 40-е годы, мы читаем: «Во-первых, жениху предстоят непременно подарки. Портрет, написанный Соколовым, браслет пышный, браслет чувствительный, турецкая шаль, бриллиантовые украшения...» Действительно, без соколовского портрета трудно представить быт петербургского (да и московского) общества первой половины XIX века.

Соколов затмил других художников, работавших в этом жанре, потому что угадал, почувствовал природу маленького портрета, понял самую душу акварели.

Акварельный портрет заменил миниатюру — живопись на фарфоре, перламутре, слоновой кости, — которая была модной в XVIII веке. Крохотный, оправленный золотом или серебром портрет закладывался в медальон, который носили на груди. Таким образом, он становился частью самого человека, его тайной, сокрытой от всех печалью или радостью. Акварельный портрет был, конечно, несколько больших размеров и писался на бумаге. Его обычно ставили на письменный стол, вешали на стену в кабинете. В общем, он всегда был где-то рядом, на глазах, сохраняя тот же интимный характер, который был свойствен миниатюре.

Именно эта теплота и интимность отличали работы Соколова. По воспоминаниям сына, тоже известного художника, П. Соколов писал легко и быстро, сходство улавливал мгновенно. Но именно потому, что сходство давалось ему так легко, он заботился в первую очередь не о нем. Ему хотелось, чтобы тот, для кого предназначалась акварель — жених, супруг, родители, друзья, — ощутил живое тепло любимого человека, обрадовался свету его улыбки, ума, доброго нрава. Во время сеанса художник пытался создать ту атмосферу взаимного расположения и симпатии, которая помогала ему в работе. Он должен был писать быстро — этого требовала техника. Акварель не любит кропотливости, переделок, от этого она становится тяжелой, краски теряют свою прозрачность. Соколовские работы изящны, непосредственны.

Целую галерею красавиц пушкинской эпохи запечатлел Соколов. Это и Мария Николаевна Волконская с сыном (мы знаем, что соколовский портрет она привезла мужу в ссылку, в Сибирь, и он находился с ним в остроге), и Александра Григорьевна Муравьева (она везла в Сибирь знаменитое пушкинское послание и стихотворение «И. И. Пущину» — «Мой первый друг, мой друг бесценный»), и Александра Осиповна Смирнова-Россет (кроме Пушкина, ее общество высоко ценили Жуковский и Гоголь)...

В красоте всех этих женщин вы не найдете парадной значительности, не похожи они ни на римских, ни на греческих богинь. Перед нами «черты живые» русских женщин.

Нежно и кротко смотрят глаза Бакуниной. Сквозь прозрачный шарф просвечивает тускло-красный цвет ее платья. Обаяния женственности исполнен весь ее облик. «Как она мила» — эти пушкинские слова как нельзя более точно передают свойство ее красоты.

Л. ОСИПОВА

«ЕСЛИ Б Я РОДИЛСЯ НЕ В РОССИИ...»

В какие бы края ни устремлялись перелетные птицы, приходит пора, и они вновь возвращаются туда, где пробовали крылья, к родным лесам, лугам, полянам, рекам...

Так же как птицы, стремятся к родным просторам и песни Алексея Фатьянова. Вот уже третью осень в городе Вязники, Владимирской области, на родине поэта, проводится ставший традиционным праздник поэзии, посвященный творчеству знаменитого земляка.

Более трех десятилетий живут рядом с нами и в каждом из нас его песни. Их часто исполняют по радио, они непременные участники праздников нашего народа, они поются в застолье погожим вечером, когда люди собираются, чтобы вспомнить былое, помянуть о грядущем.

Кто не знает песен: «Где же вы теперь, друзья-однополчане?», «Давно мы дома не были», «Караваны птиц надо мной летят», «В городском саду», «Соловьи»!.. Многие из них стали поистине народными, и люди, не расставаясь с песней долгие годы, порой даже не знают имени автора ее слов.

Алексей Иванович Фатьянов прошел рядовым по дорогам Великой Отечественной войны. Смерть настигла его внезапно, уже в мирные дни, молодым — в сорок лет.

Вязниковский горком КПСС, горисполком, Владимирское областное отделение Союза писателей СССР сделали многое для увековечения памяти поэта-земляка. Два года назад улица Подгорная, на которой стоит дом, где родился поэт, названа улицей Алексея Фатьянова. А в этом году выпущена памятная медаль.

...В вязниковском городском саду, на Солнечной поляночке, названной так в память об одной из фатьяновских песен, ясным сентябрьским днем собралось около трех тысяч земляков поэта. На встречу с ними приехали поэты, писатели, композиторы из Москвы, Владимира, Иваново, Ярославля, Горького... Пели песни Фатьянова, читали его и свои стихи, вспоминали, каким он был, — веселый, искренний, светловолосый красавец Алеша.

Он подкову в песке и глине
Притащил мне на счастье:

«На-а...»

Дюжий, сажень в плечах, детина,
Он стихи читал допоздна.
Душу войлок дверей не скрадывал...
Пел Алеша — слышать за квартал!
Он на людях и песню складывал,
Тут же в люди при всех провожал.

Таким запомнился Алексей Фатьянов одному из его земляков — поэту Николаю Тарасенко. Таким его знали вязники, владимирцы, москвичи...

Здесь же, в городском саду, можно было купить пластинку «Фронтвые песни Алексея Фатьянова», последний из сборников его стихов — «Родина», недавно выпущенный Верхне-Волжским книжным издательством. Он был поэтом в широком смысле этого слова.

В последнее лето жизни, в Вязниках, там, где зарождались самые первые поэтические строки, Алексей Иванович Фатьянов написал и последние, раскрывающие истоки его поэзии стихи:

Если б я родился не в России,
Что бы в жизни делал?

Как бы жил?

Как бы путь нелегкий я осилит?
И, наверно б, песен не сложил.

Л. КУЛИКОВА

Как испечь „Наполеон“?

Вы не скажете, как правильно сушить белье после стирки? Налицо или наизнанку? Ну, ясно: не знаете и не испытываете при этом даже комплекса неполноценности. И вообще, будучи современной, занятой женщиной, считаете лишним тратить время на обсуждение такого пустяка. А между тем «это очень спорный вопрос моей дочери со свекрухой», — пишет М. К. из Днепропетровской области.

Спорный вопрос! Как он возникает? Почему именно спорный? Молодая невестка затеяла первую стирку в своем новом доме. Старалась, рук не жалела... «Вешать нужно налицо, — вдруг слышит она за спиной голос свекрови, — изнанка ближе к телу». Голос недовольный, поучающий. Закусила губу невестка, слышатся ей совсем другие слова: «Пришла в чужой дом, так не заводи свои порядки». Но разве теперь этот дом не ее тоже? И она отвечает, что лучше вешать белье наизнанку, чтоб с лица не выгорало. Часом позже в кругу соседок свекровь по-своему прокомментирует события: «...А она мне в ответ, ты, дескать, несовершеннолетняя старуха, и я не только белье наизнанку выверну, но и весь твой дом переверну и под свою дудку плясать заставлю». И полощущееся на ветру белье становится лишь фоном, на котором развеваются первые «военные действия». Спустя некоторое время, не найдя согласия и по другим «проблемам» домоводства, обе женщины начинают перетягивать каждая на свою сторону третьего члена семьи, не всегда в запальчивости отдавая себе отчет, что в равной мере безразвратно настраивая сына против матери или мужа против жены.

Вы уже, конечно, догадались, о чем пойдет наш разговор. Крошечные искры бытовых разногласий разгораются пожаром именно там, где не сошлись характером две женщины — свекровь и невестка. Перебираю письма. Конфликты, как говорят теперь, или ссоры, как говорили раньше, сыплются из конвертов, как из рога изобилия, возникают по таким поводам, которые просто и предугадать невозможно. Не так

оделась, не так посмотрела, не то сказала, не то сварила, не это купила...

Иная свекровь обижается, что невестка не зовет ее мамой. А ведь обида эта ложная. У одной просто, с легкой радостью сорвется с губ это слово. Другая не может произнести: непривычно ей и странно называть мамой еще, по сути, малознакомую женщину. Принуждение, как и обида, здесь плохие помощники. Да и чем, собственно, хуже называть свекровь по имени-отчеству?

Так уж заведено самой жизнью, что не свекровь к невестке, не старшая к младшей, а молодая женщина входит в дом к пожилой. И возраст, и жизненный опыт, и положение хозяйки обязывают старшую облегчить невестке первые шаги в новом доме.

«...И вот мы с мужем едем к его родителям в город Майкоп, Краснодарского края, — вспоминает свою первую встречу со свекровью Валентина Дивоча. — Я увидела женщину совершенно седую и очень красивую, которая бежала нам навстречу и вначале стала обнимать и целовать меня, а потом своего сына. В доме мужа со мной обращались ласково и нежно, меня окружили такой заботой, к которой я, воспитанница детского дома, не привыкла. Свекровь стала для меня самым дорогим человеком, моей матерью».

Счастлива та семья, где обоюдная чуткость и сердечность сглаживают первые недоразумения вежливой предупредительностью и уступками; где каждый постарается понять характер, заботы, интересы другого; будет уважать и оправдывать не только свои привычки, поступки, мнения; где каждый не постесняется перенять от другого лучшее... В такой семье невестка найдет вторую мать и сама станет для свекрови дочерью. Не подружатся две женщины — вся семья несчастлива. Об этом письмо совсем еще юной, только-только вышедшей замуж Кати В.

«Выросла я в крестьянской семье, — пишет Катя, — а полюбила городского парня, как и он меня. Вначале было все хорошо. Но вот его мать стала подсмеиваться над моим незнанием. Спросила ее однажды: «Как вы делаете салат „Провансаль“?» Свекровь моя только усмехнулась в ответ: этого-то не знаешь. И правда, я многого не умею. Мама была дояркой, день и ночь на ферме, и нас было у нее семеро. Вначале муж защищал, а теперь, вижу, и он начал «шпилилки» вставлять. Свекровь же словно нарочно улыбается: «Вот к празднику нам Катя испечет „Наполеон“. А как, как испечь „Наполеон“ проклятый?! Боюсь я, что через эти пироги расклеится наша семья. Помогите сохранить ее!»

Грустно, не правда ли? Так и видишь усмешку превосходства городской свекрови над своей деревенской невесткой. А в чем превосходство, если невестке-то от роду всего девятнадцать? Ну доказала, что неумеха, не чета ей, наизусть знающей кулинарную книгу. А впрочем, и доказывать не потребовалось: молодая женщина сама сознается, что пока еще многого не умеет. Отчего же я читаю нетерпеливые, наивные строчки, и мои симпатии — а может быть, не только мои — на стороне неумелой, неопытной Кати? Не потому ли, что в той незнакомой семье происходит подмена настоящих ценностей фальшивыми? Вспомните бы свекрови себя в девятнадцать лет, когда тоже многого не знала и не умела, но кто-то научил, подсказал, обошелся тактично, не оскорбляя ее чувств.

Сколько молодых женщин на всю жизнь благодарны свекрови! Нина С. рассказывает в своем письме, как она решила вымыть полы: взяла ведро, тряпку, дело привычное, простое. «Вдруг слышу: ты, дочка, на меня не обижайся. Только сначала надо пыль смахнуть. Вот

ПЕРСОЛЬ

Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА

Читателям «Персоли», а особенно жителям города Сызрани, наверное, интересно будет узнать, что одно из очередных заседаний Государственного арбитража при исполкоме Куйбышевского облсовета было посвящено обсуждению заметки «Обещанного три года ждут», опубликованной в № 5 нашего журнала.

В начале заседания государственный арбитр Ю. С. Михайлов напомнил собравшимся ее краткое содержание: в Юго-Западном районе города очень медленно строится детский комбинат. Никакие усилия общественности, родителей, заказчика — Сызранского ремонтно-механического заво-

да — не могли сдвинуть строительство с мертвой точки...

Внимательно ознакомившись с историей вопроса, Госарбитраж возбудил дело о взыскании с треста № 4 «Главсредневожжскстроя» неустойки за нарушение сроков строительства.

...Тов. Михайлов вежливо интересуется, не имеет ли ответчик каких-либо возражений или замечаний по делу, не было ли каких-то, не зависящих от доброй воли строителей причин, помешавших своевременному вводу в строй детского комбината.

В ответном слове заместитель начальника СУ-2 М. П. Ченченко, грустно вздохнув, не стал скрывать, что объективных причин для невыполнения договора не было... И даже наоборот: со стороны заказчика объект был полностью обеспечен финансированием и оборудованием.

— При создавшейся ситуации, — сказал государственный арбитр, — вступает в силу параграф закона о том, что при нару-

шении договорных обязательств подрядчик уплачивает пени в размере 0.05 процента сметной стоимости строительно-монтажных работ, а за просрочку свыше тридцати дней — еще и неустойку в размере двух процентов стоимости работ.

Подсчеты были недолгими, сумма неустойки на первое сентября составила 8430 рублей. Деньги сняты со счета треста. Наказан не кто-то безликий и посторонний, а весь коллектив строителей, ибо взысканная сумма уменьшается при-быль предприятия и соответственно фонд материального поощрения.

Пени — по 140 рублей 50 копеек ежедневно — будут взыскиваться до тех пор, пока детский комплекс не будет принят заказчиком.

«Персоль» выражает удовлетворение принятым решением и надеется, что инициатива куйбышевского Госарбитража будет подхвачена всюду, где еще нарушаются сроки сдачи детских дошкольных учреждений.

я дам тебе мягкую тряпочку...» Важны не только слова — важен тон голоса, внутренняя доброжелательность. Кажется, так просто — и уже нет места обиде. В другой раз невестка дважды посолила суп. За обедом свекор со свекровью переглянулись, положили ложки и... засмеялись: вот, дескать, как влюбилась молодая, а суп — это ерунда. Суп можно другой сварить.

В такой семье, надо думать, не возникнет спора и о том, как развешивать белье. Наверное, свекровь скажет: давай-ка твои платишки, чтоб не выгорали, повесим наизнанку, а белье, что ближе к телу, налицо. Вот и все. Найти взаимопонимание совсем не трудно — было бы желание!

Но не только старшая из женщин несет ответственность за «погоду» в семье, и с младшей не меньше спрос. Даже если невестке от души рады, не мешает помнить, что тыходишь в дорогой тебе, но новый дом. Станет ли он таким, каким виделся еще в девичьих мечтах? Ведь здесь сложились и царят свои законы, иногда отличные от тех, к которым ты привыкла. Действуют свои, подчас странные, непонятные и даже причудливые на посторонний взгляд привычки. Не тот распорядок дня, не те вкусы, чаще или, наоборот, реже ходят здесь в кино, и книг читают меньше, а может, значительно больше, чем в твоей прежней семье. Девушка, привыкшая в рабочем или студенческом общении тратить деньги самостоятельно, теперь должна отдавать их в общий котел, а та, что раньше отдавала все матери, вдруг сама должна строить семейный бюджет...

Чтобы разобраться в житейских сложностях, не надо спешить. Надо понять. Во всяком случае, постараться понять.

Появление невестки естественно и закономерно меняет к лучшему, смягчает весь микроклимат семьи. Мать не узнает сына: преображенный силой любви, он становится как никогда внимательным, чутким, заботливым. Он бежит за хлебом, моет пол, приносит цветы, делает массу дел, от которых раньше пренебрежительно отмахивался. Эти счастливые превращения согревают всех вокруг. Тут-то бы и закрепить навсегда эти признаки настоящего возмужания! Но порой мать, ослепленная ревностью, забывшая, как когда-то сама мечтала, чтобы муж делил с ней домашние заботы, выступает этакой разрушительной силой: «Ты что в бабу превратился, совсем тряпкой стал, не мужское это дело...»

Злые, неумные слова, бывает, попадают в цель: невестку делают врагом, сына — равнодушным, мать и свекровь — одинокой. Из семьи уходят лад и согласие.

Увы, как часто иным матерям кажется, что сын достоин лучшей судьбы, что он ошибся в выборе, и ее, матери, дело помочь исправить ошибку. И начинается беспардонное вторжение в запретную зону тонких, интимных отношений.

«Страшно даже вспоминать, как невзлюбила меня свекровь...» — так по прошествии многих лет пишет о начале своей семейной жизни Лидия Павловна М. из Харькова. Не о такой жене для своего единственного сына мечтала мать ее мужа: простовата, не очень красива, образованием против сына-инженера не вытянула. Не смогла свекровь подавить в себе глухой ревности, видя, как невестка прочно поселилась в сердце, раньше принадлежавшем только ей. Не признала за молодой женщиной прав, дарованных человеку любовью, и поклялась различить сына с женой... Шли годы, в семье подрастали двое мальчишек. Бабушка горячо любила внуков и со слепым упрямством продолжала ненавидеть невестку. «Поверьте, у меня были все основания ответить ей тем же и лишиться общения с нашими

мальчишками, — рассказывает дальше Лидия Павловна. — Но я никогда ни словом не обмолвилась перед детьми о ее кознях против меня, ничем не разрушила детского представления о доброй бабушке. Они бегали к ней в гости, а я как ни в чем не бывало расспрашивала их о ее самочувствии. Задолго до ее дня рождения мы обсуждали, какой подарок ей купить. С гордостью мальчишки несли по зимней улице букет цветов для бабушки. Сейчас ей много лет, она уже три года не выходит из комнаты, но хочет жить одна, как она говорит, сама себе хозяйка. И три года изо дня в день после школы бежит к ней наш младший сын. Моет пол, выносит мусор, бегаёт в аптеку, в магазин, приносит воду, читает газеты и книги. Иногда меня спрашивают, что я выгадала от этого? Очень многое. Прежде всего я не лишила детей сказочного детства с бабушкой. Я привила им чувство сострадания, научила заботиться о старом и больном человеке. Они не чураются никакой работы...»

В этом письме — глубина постижения сложностей жизни, умение смотреть вдаль, благородство и тонкость женской натуры. Это победа светлых, умных человеческих отношений!

К сожалению, наша почта приносит вести и о поражениях. Предоставим слово, например, вот этому письму — из Керчи, от Ольги Ш. Ольга навестила в селе под Киевом свою вышедшую замуж подругу. «Валентину я помнила красивой, стройной девушкой с большими черными глазами. Я не поверила себе, увидев запуганную худую женщину, которая буквально ничем не могла угодить ни мужу, ни его матери. Свекровь руководила каждым движением Вали, без конца ее поучала. Она прямо-таки стреляла по своей жертве страшными словами. Валентина как-то вздрагивала и с испугу делала не по-свекрушечьи, чем приводила последнюю в ярость...» Слово из драм Островского, из заплесневелых углов домостроя выплывает образ грозной свекрови, той, что заедает век молодой женщины, находя своеобразное удовлетворение в том, чтобы испытывать над нею свою власть. И вряд ли в подобном случае помогут слова о поиске взаимопонимания. Если несовместимость грозит разрушением личности, если брошено под ноги и растоптано достоинство молодой женщины — выход только один: покинуть дом, не ставший родным.

Рядом с только что рассказанной историей глотком свежего воздуха кажутся письма о подлинно человеческих, освещенных добротой и сердечностью отношениях в семье. «Я живу с тремя свекровьями. Вы удивлены? Мать мужа умерла вскоре после его возвращения с фронта. Но тетушек, сестер матери, мы не оставили. Старшей сейчас 90 лет, средней 87 и младшей 80. Об их состоянии говорит возраст да плюс болезни. Мне нелегко, много работы, но у нас очень хорошая, большая и дружная семья», — пишет нам Зинаида Михайловна Соколова из Рязани.

Разные письма — светлые и грустные, утверждающие и вопрошающие, наивные и мудрые... А за ними — разные люди, судьбы, жизни.

Две женщины — свекровь и невестка. Крепкая, глубокая, родственная связь. «Помните, что отныне вы родные друг другу люди. Так не скупитесь на душевное тепло, не копите обиды. Будьте уступчивее, снисходительнее друг к другу, делитесь всем добрым, что у вас есть». Не правда ли, прекрасно написала Нина Алексеевна С. из Саратова! И если бы все мы следовали этим советам, не нужен был бы и наш сегодняшний разговор.

С. ЛАПТЕВА

ФИГОВЫЙ ЛИСТОК № 850604

Проявляя заботу о жителях города Мытищи, производственное объединение химчистки и крашения «Радуга» раскинуло сеть приемных пунктов в непосредственной близости от клиентов. В эту сеть и попался сотрудник института по проектированию предприятий искусственного волокна В. И. Глазов. Прельстившись возможностью сэкономить массу времени, он сдал в чистку свои брюки, так сказать, без отрыва от производства, получив взамен квитанцию от 19 мая 1976 года за № 850604.

С тех пор Владимир Иванович предпринял несколько безуспешных попыток совершить обратный обмен — квитанции на брюки. Он писал заявления на имя начальника Дома быта, выучил наизусть

номер телефона, по которому милый женский голос неизменно приглашал «заходить почаще», «звонить попозже». Сеть бытовых услуг и по сей день крепко держит клиента.

В связи с наступлением осени квитанция несколько пожелтела, но ее вполне можно использовать вместо брюк, как это делали находчивые мужчины еще до наступления эры химчистки и крашения.

ТО «ГОР», ТО «ХОЛ»

Так, с переменным — то горячим, то холодным — водоснабжением работает женская душевая на флотационной фабрике Соликамского калийного производственного рудоуправления № 2. Трудная сложилась ситуация. Сказать, что душ работает, нельзя. И сказать, что не работает, тоже нельзя...

Точно так же нельзя сказать, что руководство фабрики не заботится об улучшении условий труда женщин. Но и сказать, что заботится, тоже вроде бы нельзя... Как тут разобраться?

...От начала и до конца смены возим мы на тачке из склада в цех материалы, а потом из цеха на склад возем готовую продукцию. Расстояние сто метров с небольшим, то под уклон, то на подъем...

А неподалеку стоят и не используются два электрокара, предназначенные как раз для той работы, которую выполняем мы. Говорят, что с тачкой надежнее...

Подсобницы шорного цеха электротехнического завода гор. Артемовска

Зайдите в любой магазин—полки забиты добротными свитерами, платьями, костюмами. Верхний трикотаж, когда-то считавшийся предметом дефицита, сегодня лежит на прилавке, ждет покупателя. Главная претензия: несовременно, старомодно. Требования к качеству товаров растут. Теперь выбирают не между плохим и хорошим—между хорошим и отличным.

Почему же хорошего в продаже много, а вот отличное—редкость? Мы привыкли винить в этом трикотажную промышленность. Знаем: немало замыслов художников неизменно изменялось в процессе «доводки» до конвейера. «Усреднялись» модели, исчезали трудоемкие детали... Но я не зря употребляю глаголы в прошедшем времени. Картина, типичная еще каких-нибудь два-три года назад, сегодня неизменно меняется. Недавно принято новое положение об эталоне в промышленности—оно имеет силу закона. Современный эталон—это не выставочный экспонат, а промышленный образец, изготовленный и опробованный в условиях массового производства. Он снабжен всей необходимой технической документацией. Обусловлен артикул и цвет ткани или пряжи, заранее известна форма пуговиц, толщина ниток для отстрочки, длина «молнии»—десятки мелочей, которые так ладно и гармонично сливаются в понятие «высокое качество».

Все уточнения и доделки—обычная рабочая утряска и обкатка, без которой не появляется на свет ни один новый товар,—возможны лишь до того момента, когда платье или пальто, увенчанное печатью и пломбой, превращаются в эталон—гарантию того, что изделие без изменений и искажений придет на прилавок, в руки покупателя. И нарушить эту гарантию—пришить другие пуговицы, например, или соорудить на неподобающем месте бантик—так же противозаконно, как, скажем, привинтить на «Жигули» колесо от велосипеда «Кама».

Разумеется, бывает, что на потоке эталон претерпевает разного рода нежелательные изменения. Но подобные нарушения не правило, а исключение из правил. Закон защищает интересы покупателей, наши с вами интересы. Между понятиями «эталон» и «товар» поставлен знак равенства.

А раз так, то наши претензии к качеству товара надо адресовать тем, от кого зависит художественное и конструктивное решение, эстетическая выразительность, наконец, модность самого эталона. Поэтому на передний план борьбы за качество выходит теперь автор модели.

Здесь рождается мода

Киевский дом моделей трикотажных изделий похож на фабрику. Только один из этажей этого современного, сплошь из стекла здания возвращает в привычную обстановку модного царства: тихие кабинеты, мольберты, натянутые на подрамники холсты, ряды чертежных досок и эскизы, эскизы—на стенах, на столах, на полу...

Здесь придумывают трикотаж новых структур и переплетений, опробовывают небывалые линии, силуэты. Словом, создают завтрашнюю моду. Но не только это. Нежный росток, рожденный фантазией художника, нужно пересадить на почву реального производства. Прежде чем предложить новую модель фабрикам, ее тщательно испытывают в производственных условиях. Справятся ли плоскофанговые машины с затейливым переплетением нитей? Не слишком ли трудоемка обработка? На типовых машинах, в условиях строгого производственного графика делают сначала десять, сто, триста экземпляров разных размеров. Проверяют в фирменном магазине—нравится ли покупателям? И только после этого вместе со всей технической документацией предлагают фабрикам в качестве эталона.

Киевляне одни из первых в нашей стране начали работать по новой системе моделирования, которая по недавнему приказу министра легкой промышленности СССР Н. Н. Тарасова обязательна для всех моделирующих организаций, заводов и фабрик страны. Суть новой системы (специалисты называют ее «трехэтажной» или «трехступенчатой») в том, что мода планируется далеко вперед, чтобы промышленность успевала освоить новинки до того, как они «состарятся». Сначала создают перспективную коллекцию—вещи, которые будут носить через два года (заглядывать в моду дальше пока не научились). Затем—на полтора года вперед—базовые предприятия делают направляющую (или базовую) коллекцию. Здесь всплески фантазии художников спускаются на землю, приспособляются к реальным возможностям производства. Лучшие модели ложатся в основу третьей—промышленной коллекции. Все вещи в ней уже могут служить эталонами. Их на оптовых ярмарках покупают фабрики и включают в план работы будущего года.

Таков двухгодичный цикл превращения идеи художника в товар. Но роль Дома моделей на этом не кончается. Художники отвечают не только за «свои» модели, но и за все тысячи джемперов,

Дом моделей

жакетов, платьев, которые ежедневно сходят с конвейеров трикотажных предприятий. Дом моделей выполняет специальные разработки для той или иной фабрики, приравниваясь к ее возможностям, особенностям оборудования, сырья. Снабжает необходимой информацией. Учит новому крою, новым, современным способом обработки.

Вот, например, Ивано-Франковская трикотажная фабрика. В прошлом году впервые за всю ее многолетнюю историю шесть женских жакетов—серия, сделанная по одной конструктивной основе, с разными деталями и оформлением,—получила государственный Знак качества. Большая победа коллектива фабрики и киевских художников Н. Поповой и Т. Щедриной, которые разработали модели и «довели» их до конвейера.

Или еще пример. Несколько лет подряд трикотажные фабрики дружно жаловались на так называемую «аппаратную» полушерстяную пряжу: и груба она, и не эластична, и окраске не поддается. Делали из нее весьма непривлекательные спортивные свитера и рейтузы, которые плохо раскупались. Художники Н. Попова и М. Пашичкая предложили смешать полушерстяную пряжу с полиэфирной и ацетатной нитями, получилась модная пестроткань, напоминающая благородный твид. Разработали коллекцию разных моделей—женское пальто, мужские пиджаки, куртки. Недостатки полушерсти—ее жесткость, грубоватость, колючесть—обернулись достоинством: держит форму, красиво лежит. И цена небольшая. Пальто, например, стоит 43 рубля. Теперь по образцу Дома моделей его производство освоила Львовская трикотажная фабрика.

Как потеряли год

...«Жіночі обнови» на бульваре Леся Українки—один из лучших магазинов Киева. Просторный, современно оборудованный. На манекенах—платья, костюмы, жакеты.

На каждой второй вещи—пятиугольничек качества или индекс «Н»—новинка. Но перебираешь одно платье, другое, третье—и поневоле встаешь в тупик. Почему на этом традиционнейшем жакете стоит «Н»? Что в нем нового, модного? Мне объясняют: применено новое сложное переплетение, видите ажурную полоску на груди? Но я вижу и другое: пропорции, силуэт, линия проймы, воротник, то есть определяющие приметы моды, без изменений перекочевали с позапрошлого года. Какая же это новинка?

Или другое платье с индексом «Н»—аккуратное, изящное, с двумя карманчиками. Но дают ли красивые карманчики право брать с покупателя надбавку за модность? Добротность, аккуратность, тщательная обработка—это норма, обычные требования к изделию современного класса. Не всегда, к сожалению, нас балуют подобной «нормой», однако из этого не следует, что нужно возводить ее в ранг исключительности. Строго говоря, из всего обилия трикотажных

ИКА

Качества

Т. КОСТЫГОВА

На снимках: трикотажные изделия Киевского Дома моделей, удостоенные государственного Знака качества.

товаров, украшенных знаком «Н», новинками можно было считать только удлиненные, эффектно вышитые сарафаны и свободной формы джемпера, выставленные в витрине того же магазина с надписью: модели будущего года. За них и доплатить не жалко, естественно, сегодня, а не через год, когда их свежесть потускнеет и возникнет интерес к чему-то другому, поновее и помоднее.

Вот в чем беда: хорошо задуманная система планирования моды на два года вперед дает сбой как раз в определении этой моды. На завтра планируют то, что нравится и хочется купить сегодня. Самые свежие новинки, даже те, что украшают перспективные коллекции, отстают от мировой моды минимум на год.

Винувата в этом неповоротливая система утверждения нового изделия и особенно определение цены на него. Хорошо, если модель, выбранная фабрикой для освоения, достаточно традиционна: в прейскуранте найдут графу, где определен вид переплетения, покроя, обработка. Но даже в этом случае пройдет несколько месяцев, пока соответствующие финансовые организации цену узаконят. А вещи небывалой формы и покроя, которых прейскурант заранее предусмотреть не мог, надо посылать в Москву, на суд ВИАЛЕГПРОМа. Только там определяют, заслуживает соискательница просто высокой категории или можно поощрить ее индексом «Н».

В среднем все эти хождения по инстанциям занимают 10—12 месяцев — в четыре-пять раз больше, чем идет на создание и промышленное опробование модели. Еще год, прибавленный к обязательному двухгодичному циклу. Тот самый год, на который отстает наша мода...

Так что же, разрешить фабрикам выбрасывать на рынок все, что они пожелают, на их страх и риск? Нет, разумеется. Должен существовать строгий эстетический надзор за общим уровнем массовой продукции, барьер, пресекающий распространение безвкусовых, вышедших из моды вещей.

В Чехословакии, например, утверждает модели и определяет цены на них единственная государственная инстанция — Институт культуры одежды и быта. Специальные комиссии перед началом каждого сезона просматривают не только предлагаемые к освоению новинки, но и всю текущую массовую продукцию, безжалостно снимая с производства устаревшие, вышедшие из моды вещи. Право на жизнь получают только изделия, выполненные на уровне мировых стандартов и заслужившие высшую категорию качества. Среди них особо отмечаются модные новинки, причем право носить этот ярлычок (а стало быть, и продаваться по повышенной цене) дается лишь на шесть месяцев. После этого срока изделие снова держит экзамен, и если остается в ассортименте, то уже без надбавки за модность.

Наш ВИАЛЕГПРОМ (Всесоюзный институт ассортимента легкой промышленности) тоже выполняет функции «высшего эстетического суда» над продукцией легкой промышленности. Но многоступенчатая система заводских, министерских, республиканских и прочих ведомственных художественных советов отделяет ВИАЛЕГПРОМ от фабрики-изготовителя, делает невозможным прямой контакт между ними. Конечно, объемы нашего производства огромны, и оперативно управ-

лять таким потоком продукции нелегко. Но необходимо. Ведь мода не ждет...

Путь к сердцу покупателя...

Мода — серьезная экономическая категория, с которой сегодня нельзя не считаться. Но при всем нашем уважении к моде не нужно ставить знак равенства между понятиями «модно» и «хорошо». Модность хоть и необходимое, но отнюдь не единственное и даже не определяющее слабое качество.

Опытные работники торговли знают: есть два пути к сердцу покупателя. Первый и самый короткий указывает нам мода. Остро современной вещи простят и неважную ткань, и небрежную обработку, и погрешности кроя. Но пройдет месяц-другой, и сегодняшний фаворит уныло оседет на магазинных полках. Второй путь длиннее, зато надежнее: это так называемый классический ассортимент, вещи, которые приобретают не на один год и от которых поэтому требуют многого.

Я видела в Чехословакии магазины, где продаются «товары люкс». На первый взгляд ничего особенного: традиционные линии, привычные формы. Старомодными эти вещи не назовешь. Но из моды взято лишь то, что устоялось, прочно вошло в жизнь. Не зря право носить звание «люкс» товар получает на три года: «классические» вещи стареют медленно. Костюм или платье, купленные в этом магазине, не линяют, не вытягиваются, не теряют форму. Безупречный покроя и обработка, самые лучшие материалы. Даже мелочи — нитки для строчки, пуговицы, крючки, кнопки — самой высокой марки. Наверное, восемнадцатилетняя девушка предпочтет другой магазин, где вещи помоднее и подешевле. Но тот, кто ценит спокойную эlegantность, придет сюда.

Наша трикотажная промышленность облюбовала лишь первый путь к покупателю. Фабрики стремятся чуть ли не ежегодно полностью обновлять ассортимент. В то же время лишь два процента трикотажной продукции страны имеет государственный Знак качества. В киевских, а также московских, ленинградских, новосибирских и всех прочих магазинах тщетно будете вы искать тонкие «водолазки» и «батники», легкие открытые майки, жилетки и жилеты разной длины, шарфы и шали — вещи, которые особо модными не назовешь, но без которых не существует сегодняшняя мода. Наверное, не всякий купит вечернее платье из трикотажа или дорогой костюм-тройку — их в конце концов можно сшить из ткани. Но тонкий свитер, который так приятно надеть под тот же костюм или платье, не сошьешь, здесь трикотаж незаменим.

Коллекция моделей будущего года, которую приготовила для показа торговле фабрика «Киевлянка». Красивые вещи. Модные рукава,

необычные вырезы, кружева, вышивка, блестящая нить. Нарядные платья и костюмы; эффектные ансамбли... Но когда я попросила показать обычный тонкий свитер, художники с недоумением переглянулись. Конечно, моделировать свитер неинтересно, то ли дело вечернее платье! За его освоение фабрика получит премию, его можно представить на индекс «Н». Только покупатели почему-то не проявят особых восторгов и по-прежнему будут спрашивать все те же традиционные «водолазки». Потому что они нужны всем — независимо от возраста, комплекции и отношения к моде.

Почему поставщики в стороне?

— Вот вы говорите: качество, требования времени... А что сделаешь вот из этого?

Лиля Рикерт широким жестом обводит цех. Да, заготовки, раскроенные детали, кипы готовой продукции — все в одной гамме. Затрудняюсь ее описать: цвет мрачный и одновременно пронзительный. Линялый и назойливый...

На Ивано-Франковской трикотажной фабрике Лиля выполняет функции целого художественного отдела: она и модельер, и технолог, и искусствовед. Правда, за ее спиной — Киевский Дом моделей. Лучшие художники заботятся о том, чтобы маленькая фабрика шла в ногу с модой.

На фабрике только два вида вязальных машин, основная масса сырья — полушерсть, смешанная с синтетической ниткой. Не самое лучшее получается полотно, однако и из него с помощью киевских художников удается создавать красивые вещи.

Мы уже говорили о серии жакетов, получивших Знак качества. Сейчас на Знак готовят еще детские костюмчики с гуцульским орнаментом, мужские рубашки и куртки. Поистине хороший художник способен облагородить любой материал.

— Любой? — Лиля явно не согласна. — И этот голубой? Дом моделей второй год бьетая, ничего придумать не может.

Действительно, встанешь в тулик. Детей в такой грязно-линялый цвет одевать нельзя. Для мужчин он ярк. Для женщин — некрасив. Вот и пускают серо-буро-голубую пряжу на рейтузы. Десятки тысяч пар уродливых рейтуз...

Я читала «полное собрание» переписки иванофранковцев с Тбилисской камвольной-суконной фабрикой. Тбилиси поставляет фабрике в квартал 40 тонн полушерсти. Цвета — голубой и темно-зеленый, других не бывает. Это бы еще полбеды. Но половина пряжи с браком: утолщения, разнотон, узлы. Ни претензии, ни штрафы не помогают.

Мы, покупатели, довольны, что повысился спрос с трикотажных предприятий. Пусть выпускают продукцию в точном соответствии с эталоном, в заказанной гамме и ассортименте. Пусть все отклонения считаются чрезвычайным происшествием. Но почему столь же суровые требования не предъявляют поставщикам пряжи?

Ежегодные оптовые ярмарки, на которых торгующие организации заказывают фабрикам-изготовителям будущий ассортимент, а те договариваются с поставщиками о тканях, пряже, фурнитуре и тому подобном, превратились, по существу, в формальность. Их и называют все чаще не ярмарками, а расписаниями. В этой замене слова — немалый смысл. На ярмарке, как известно, выбирают, торгуются, проявляют личный вкус. На расписаниях уточняют заранее распределенные, «расписанные» фонды. А трикотажники лишены даже этой возможности. Им заранее известно, что Ивано-Франковская фабрика, например, должна взять столько-то тонн пряжи в Тбилиси и столько-то в Чите. Не нравится то, что предлагает Тбилиси? Намучились с их продукцией в прошлом году? Договаривайтесь, убеждайте, взывайте к сознательности, штрафуйте, наконец. Другого поставщика не будет.

Думается, если бы «расписания» давали возможность выбора, ни иванофранковцы, ни другие фабрики, вдоволь хлебнувшие горя с ненадежными поставщиками, не возобновили бы договора с ними, и тем волей-неволей пришлось бы перестраивать работу на современный лад. А пока и так сойдет: поворчат, постыдят, а пряжу возьмут. Куда денутся...

То, что увидели мы в одном доме моделей, одном магазине, на одной фабрике, характеризует общее положение, сложившееся сегодня в трикотажной отрасли. Общие достижения, общие беды. Сделано действительно много. Но уровень современного промышленного производства определяют не отдельные взлеты и удачи. Тут властвует поток — именно он движет конвейер. И пока не ликвидированы ножницы, существующие между лучшим и обычным, пока не удалось резко поднять уровень всей массовой продукции рядовых предприятий, проблема повышения качества, так остро поставленная XXV съездом партии перед нашей легкой промышленностью, не будет решена полностью.

Письмо в редакцию

А лес растет медленно...

Милая «Работница»! Встань, пожалуйста, на защиту елок. Подумать только, как много их погибает в предновогодние дни! У нас в Нижнем Тагиле рубят лес все, кто умеет держать в руках топор. Наша краса и гордость — знаменитая Пихтовая гора скоро станет совершенно лысой. Ленинградский проспект вплотную придвинулся к Пихтовой горе, и жильцы ближних домов, едва отойдя от своего двора, рубят молодые елочки. И никто и ничто их не останавливает — ни дружинники, ни милиция, ни собственная совесть.

В самом деле, жалко рубить для одной недели живое молодое деревце. Его вполне заменит разукрашенная синтетическая елочка. Можно вырезать елку из серебряной фольги, из картона, оклеенного цветной бумагой, блестящими звездами. Красивы и торжественны гирлянды из еловых и сосновых веток. Особенно хороши зимние букеты, или, как говорят специалисты, праздничные новогодние композиции. Нарядно, необычно, и совесть спокойна: не загубили деревце.

Несколько вариантов таких композиций предлагает ландшафтный архитектор Главного ботанического сада АН СССР Л. Саркисова.

Чем необычнее ваша композиция — заместительница елки, тем современнее она выглядит. Так что вы имеете полную возможность блеснуть выдумкой и фантазией. Привлеките к этому делу и детей: часто именно они выдвигают самые интересные идеи. Детские композиции обычно веселые, пестрые.

Итак, приступаем. Разумеется, все необходимое — материал для букета, вазы, веревочки, проволока, гвозди, пластилин — надо припастить заранее.

Материал годится любой. Много ценного дает зимний лес. Наверняка вы отыщете там сломанные ветки, шишки, коряги, пенки и корни, если повезет — найдете сухоцветы, замерзшие ветки с красными ягодами рябины, бузины, зеленый мох, стебли злаков. Все пойдет в дело! Конечно, украсят композицию живые цветы. Если дома к Новому году зацвело какое-нибудь комнатное растение, считайте это удачей. Все целиком, с цветами, листьями и горшком, оно тоже войдет в композицию. Пригодятся и сухие цветы: оранжевые фонарики физалиса, прозрачные серебряные «монетки» лунария, красные шарики древогубца, ажурный кермек, желтые корзиночки: пихмы...

Все, что принесли домой из леса, тщательно очистите. Хвойные ветки обмойте водой, наискось подрежьте, расщепите и поставьте в воду, в прохладное место. Если ветки время от времени «купать» и

ДЕЛА ДОМАШНИЕ

И еще. Стоят на площади возле Дворца культуры имени И. В. Окунова прекрасные, стройные ели. Уже больше десяти лет радуют они нас своей свежей зеленью. Наряжайте любу и пляши, води веселый хоровод.

Так нет же! Каждый Новый год на площади рядом с живыми елочками появляется срубленная—огромная, многометровая...

Всюду строятся новые города, поселки. Как хорошо, если бы на центральных площадях сразу, по всем лесоводческим правилам, высаживали юную елочку, растили ее, а в праздник наряжали, украшали огнями. Живая елка—самая красивая.

...Пройдет еще немного времени, и с наступлением сумерек потянутся из леса, оглядываясь украдкой, взрослые люди и малышки с погубленными елками. И домой и на продажу. Да, да, лесом, красотой, природой еще и торгуют!

А лес растет медленно...

А. ЕВГЕНЬЕВА
г. Нижний Тагил

ЧИТАТЕЛИ ПРЕДЛАГАЮТ

Обычно вешают елочные игрушки на нитках—они рвутся, путаются. Гораздо удобнее пользоваться обычной канцелярской скрепкой. Разогните ее, одним концом зацепите игрушку, другим—ветку.

КОЛОКОЛЬЦЕВА, г. Оренбург

...Новогодние свечи на праздничном столе очень красивы. А чтобы ненароком не наделать пожара, мы берем два высоких стакана—большой и маленький, ставим один в другой. В середине свеча, в пространстве между стаканами—алювые ветки и всякие украшения.

Р. ПЯСТ, г. Таллин

НОВОГОДНЯЯ БАНИЦА

Баница—это традиционный пирог, без которого в Болгарии не обходится ни одно семейное торжество. А под Новый год пекут баницу с сюрпризом—с новогодними пожеланиями для гостей.

Сначала—пожелания. Напишите их карандашом на небольших листочках белой бумаги, стараясь, чтобы все были разные, но обязательно приятные, чтобы никого ненароком не огорчить. Сложите листочки так, чтобы получился маленький плоский пакетик.

Теперь дело за пирогом. Замесите тесто (полтора стакана холодной воды, яйцо, муки—сколько возьмет, чтобы было не очень круто), добавьте столовую

ложку уксуса, столько же растительного масла, соль. Вымешайте, накройте промасленной бумагой и дайте полчаса постоять. Затем разделите тесто на 18 шариков, раскатайте лепешку, каждую смажьте сливочным маслом или жиром и соедините по три. Получится шесть толстых лепешек. Пусть раскатайте тонкими пластами и кладите на противень, смазанный маслом, перекладывая слоем начинки из риса и брынзы. Между третьим и четвертым пластом уложите пожелания. Последним—шестым пластом накройте пирог, обильно смажьте маслом, сбрызните холодной водой и запекайте в духовке.

Для начинки: отварите полстакана риса, остудите и соедините со взбитыми яйцами (3 штуки), стаканом молока и натертой брынзой (250 г). Баницу разрежьте на куски так, чтобы в каждом оказался «сюрприз».

УКРАШЕНИЕ СТОЛА

Если праздничная еда не просто хорошо приготовлена, но еще и красиво подана—она кажется особенно вкусной.

Забавные украшения для новогоднего стола можно сделать, например, из сваренных вкрутую яиц.

Из бланшированных (обваренных) листьев капусты можно сделать **трубочки**. Листья лучше брать помягче, а толстый ствол немного срезать. Один конец трубочки вдевается в резное колечко из моркови, а сама трубочка наполняется салатом.

Из целого кочана, срезанного сверху на одну треть, можно сделать и большую вазу для салата. Осторожно выньте сердцевину, наполните «вазу» овощным салатом, украсьте зеленью.

А если вы хотите удивить гостей необыкновенным блюдом, сделайте «капустного ежа»: на мелкую тарелку или плоское блюдо положите срезом вниз половину кочана капусты. По краям тарелки разложите гарнир—петрушку, салат, другие овощи, нарезанные кружочками или кубиками. На палочки (пластмассовые или деревянные) наколите различные закуски—кусочки мяса, рыбы, колбасы, рульки селедочного филе или кильки, сосиски, сардельки, кубики сыра, яблока и так далее—все, что найдется в доме. Эти палочки и станут «иголками» ежа.

Рисунки **Н. ДОБРОВОЛЬСКОЙ**

снова подрезать—они простоят два-три месяца. А если у вас окажутся ветки лиственницы (или ивы, орешника, сирени, бузины, тополя, яблони, вишни), тоже обрежьте их наискось и поставьте в воду комнатной температуры: через 10—15 дней на ветках появятся нежные зеленые листочки. Особенно щедро лиственница: каждая почка брызнет фонтаном хвойных букетиков. Очень наряден и цветущий багульник. Так к вам на новогодний праздник придет весна...

Теперь подумаем вазу. Использовать можно все что угодно: подносы, плоские блюда, корзинки, керамические кашпо, шкатулки, медицинские пробирки и, конечно, вазы: из стекла, хрусталя, дерева, металла, керамики.

Букет может стоять на праздничном столе, помещаться на стене, на полу, на журнальном столике или книжной полке, наконец, праздничной гирляндой, смешанной со сверкающим елочным дождем и серпантинном, свисать с люстры, украшать коридор, прихожую, даже подъезд—чтобы новогоднее настроение начиналось с порога. Небольшой букет можно взять с собой и в гости—как подарок.

Букет, который мы поставим на праздничный стол, должен быть особенно наряден, торжествен, но не высок, не более 25—30 см, чтобы не заслонял лица сидящих за столом людей. Вместо вазы можно установить на подносе, большом блюде корягу или корень с выемками и углублениями, куда можно запрятать пробирку или флакончик с водой для живых цветов.

Настенные композиции лучше смотрятся графичные, выразительные по силуэту. Тут нужно совсем мало материала: кусочек коры, одна-две ветки с шишками или листьями, несколько стеблей злаков.

Как и положено в Новый год, праздничную композицию украшают елочные игрушки, шары, конфеты и фрукты, блестящая мишура, дождь, конфетти, лампочки и свечи.

Варианты придумайте сами.

«Гномик»: рот и нос «нарисованы» томатной пастой, шапочка—из половинки помидора или редиски, глазки—горошины черного перца.

«Бабочка» садится на бутерброд или вазу с салатом. В яйцо сделаны два наклонных надреза, куда вставлены «крылышки»—ломтики копченой колбасы, например, или сыра. Усики из майонеза, глазки из зеленого горошка или горошин перца. Довершают картину яркие пятнышки из томатной пасты или красного перца.

Очень красивы раковины из листьев белой и красной капусты—их можно сделать большими или маленькими в зависимости от величины листа. Раковины наполняют салатом, тертым сыром, свернутыми кусочками сельди, кусочками красного перца, горошком и так далее. Едят все вместе: и салат и «посуду».

Дети и косметика

В 14—15 лет у подростков обычно быстро растут волосы: коротенькие косички вдруг становятся густыми, блестящими. Мальчишеский «ежик» превращается в пышный зачес — предмет гордости хозяина и волнений мамы. Но бывает, к сожалению, иначе: волосы у сына или дочки тусклые, плохо лежат, а то и выпадают, висят сальными прядями...

Причины могут быть разные. Достаточно ли времени школьник проводит на свежем воздухе? Здоров ли он? Правильно ли питается? Для волос особенно полезны каши — овсяная, гречневая (из поджаренной крупы), поджаренный хлеб, студень, овощи, творог, молоко. И, конечно, для того, чтобы волосы были здоровыми — густыми, блестящими, эластичными, — надо правильно за ними ухаживать.

Главное условие — чистота. Волосы необходимо часто мыть и минимум дважды в день расчесывать.

Наверное, не стоит напоминать общеизвестную истину, что у каждого должна быть своя собственная расческа и головная щетка. Но что значит — мыть достаточно часто? Для одного это три дня, для другого — две недели. Как же поступать?

Если волосы короткие и не слишком жирные, моют их не реже чем раз в неделю шампунем или пеной детского мыла. Косы, тем более длинные, густые, лучше мыть реже — примерно раз в десять дней, иначе кожное сало не успевает достичь кончиков волос. Так же — раз в десять дней — моют короткие сухие волосы.

Расчесывают волосы сначала расческой (естественно, безукоризненно чистой), затем щеткой, проводя в разных направлениях 30—50 раз. Особенно полезно причесываться на свежем воздухе или перед открытым окном — волосам нужно «подышать».

Если волосы сальные или, наоборот, чересчур сухие, слабые, есть перхоть, — от щетки лучше отказаться: на раздражение кожа может отвечать усиленным салоотделением. При сухих волосах полезнее частый гребешок, а при сальных — редкий, с тупыми зубьями.

А что делать, если волосы очень быстро саятся и никак не удается протянуть неделю от мытья до мытья? Разумеется, не ходить с неопрятной, грязной головой. Да, частое мытье не слишком полезно для волос, но еще вреднее им быть грязными: волосы не «дышат», плохо растут, выпадают. Так что из двух зол выберем меньшее.

Попробуем «сухое» мытье: надо осторожно посыпать голову смесью ликоподия, борной кислоты, талька (в равных количествах) или просто тальком, хорошо перетереть волосы и расчесывать сначала редкой, а затем частой расческой — долго, чтобы удалить весь порошок. А раз в неделю нужно будет как следует промыть волосы шампунем для жирных волос или пеной дегтярного мыла и ополоснуть слабо подкисленным раствором уксуса. Один-два раза в неделю полезно протереть сальную кожу головы «Хинной водой» или «БИО-4».

Можно мыть сальные волосы горчицей: развести одну столовую ложку в 0,5 литра теплой воды, вымыть голову, ополоснуть подкисленной водой.

Другая неприятность — волосы чересчур сухие, секутся, беспокоит зуд, появляется перхоть. В таких случаях полезно перед мытьем смазывать сухие волосы касторовым или репейным маслом или двухпроцентной салициловой мазью. Как следует расчесать, затем вымыть пеной дегтярного или детского мыла и ополоснуть водой, куда добавлено немного уксуса. Затем частую расческу или щетку смазать касторовым маслом и снова расчесать волосы. Каждые 2—3 дня втирать в кожу головы кремы «Паприн» или «Особый». Раз в 2—3 месяца — не чаще — можно помыть голову сульфеновым мылом.

Редкие, слабые волосы — как жирные, так и сухие — полезно немного «подкормить»: смешать поровну столовые ложки шампуня, растительного и касторового масла, растереть с сырым яичным желтком и втирать в кожу головы. Затем зачесать волосы кверху, надеть купальную шапочку или полиэтиленовую косынку, замотать махровым полотенцем. Через час смыть массу и вымыть голову шампунем, наполовину разбавленным водой. В воду для полоскания можно добавить лимонный сок, или уксус (столовую ложку на 2 литра воды), или отвар ромашки, если волосы светлые. Очень полезны и отвары трав (столовая ложка на литр воды): они укрепляют волосы, придают им блеск. Для отвара взять по одной столовой ложке сухих трав — хмеля, лопуха, крапивы и ромашки, залить 2 стаканами крутого кипятка, настоять 40 минут, процедить.

После ополаскивания волосы отжать, высушить и осторожно расчесать.

Врач Л. ГОРДИНА

Сшейте Рубашу

Ситцевые балы хороши тем, что предоставляют любой девушке много возможностей быстро и дешево соорудить себе необыкновенное вечернее платье. Такое платье может быть сделано как бы не всерьез, а с улыбкой, в духе народного веселого карнавала. Праздник-то особый, новогодний.

Мы предлагаем четыре модели, слегка стилизованные «под старину» и «под карнавал». Выберите себе по вкусу.

1. Платье комбинировано из двух тканей, разных по рисунку, но близких по цвету. Отделкой может служить цветная тесьма, «выюнчик», бейка, узкое кружево.

2. Блузка с широкими двойными рукавами отделана узким черным кружевом. Широкая юбка на резинке. Она как бы собрана из ярких разноцветных лоскутов (наподобие лоскутного одеяла). Лоскуты скроены в форме сужающихся кверху трапеций, по линиям их соединений проложено черное кружево или тесьма, «выюнчик».

3. Платье покроя «татьянка»: прямая юбка в сборку, рукава «фонарики». Ткань лучше светлая, в мелкую клетку или горошек, цветочек. Сверху на лиф нашита отделка типа вставки из сатина с яркими крупными цветами на черном фоне, обвязанная крючком, черным ручным кружевом. Выкройка этого платья в натуральную величину для 44-го размера дана в приложении.

4. Это платье более строгое, но нарядное благодаря отделке из белого пике. Планка обшита шитьем. Рукава и юбка скроены по косой нити; юбка приспособлена — на спине больше, на боках поменьше. Выкройка для 46-го размера тоже дана в приложении.

Н. ГОЛИКОВА

На первой странице обложки: Надежда Салахова, электрослесарь Нижнекамского нефтехимического комбината.

Фото Н. МАТОРИНА.

В приложении к этому номеру: свяжите в подарок (сапожки, тапочки); вышивка крестом; выкройка платья.

Главный редактор В. Е. ВАВИЛИНА.

Редакционная коллегия:
А. П. БИРЮКОВА, И. Г. ВОЛОБУЕВА,
Д. Т. КАРАСЕВА, Е. В. КОНОНЕНКО,
М. И. РОЖНЕВА, З. Н. ТИМОФЕЕВА
(зам. главного редактора),
А. Г. ХРИПКОВА, Р. А. ЭЛЬДАРОВА.

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ:

промышленного—250-11-72; международной жизни—250-44-80; литературы и искусства, коммунистического воспитания—250-12-30; семьи и быта, науки и антирелигиозной пропаганды—250-11-93; художественного оформления—258-14-13; писем—250-57-38; массовой работы—250-44-80; зав. редакцией—253-30-05.

Сдано в набор 24/IX-1976 г.
А 06019. Подписано к печ. 15/X-1976 г.
Формат 60 × 90¹/₈.
Усл. печ. л. 5,43. Уч.-изд. л. 9,56.
Тираж 13000000 экз.
(1-й завод: 1—11246000 экз.).
Изд. № 2592. Заказ № 2876.

Адрес редакции:
101458, Москва, А-15, ГСП-4,
Бумажный пр., 14.

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции
типография газеты «Правда»
имени В. И. Ленина.
125865, Москва, А-47, ГСП-4,
улица «Правды», 24.

Оформление художника
Я. Е. МИРОШНИЧЕНКО.

Технический редактор
В. В. МАСЛЕННИКОВ.

СИТЦЕВЫЙ БАЛ

Москва. Александровский сад и Боровицкие ворота.

ВЕРНОСТЬ НАТУРЕ

Акварели Ксении Купецко, где бы вы ни встретили их — на стенах выставочного зала, в доме друзей или на почтовой открытке, — узнаешь сразу. Есть в них некая классическая строгость, простор и чистота. Чистота цвета, воздуха, линий. Каждая ее работа — это словно живое прикосновение к светлой глади реки, мокрому асфальту, зеленой прохладе парка.

Ксения Конрадовна — горожанка, родилась в Москве и потому всем видам пейзажа предпочитает городскую.

В детстве, еще не владея красками, она рисует карандашом наводнение в столице, реку Яузу, Кадашевскую набережную. Были у нее в ту пору и портреты и натюрморты. Мать Ксении Ленинград. Стрелка Васильевского острова.

Конрадовны любила искусство и, не будучи профессиональной художницей, писала маслом и пастелью, создавала композиции из разноцветных лоскутов. Это не могло не сказаться на увлечении всех ее детей: две дочери стали художницами, одна — архитектором, сын — поэтом.

С 1929 года Ксения Купецко — студентка Высшего художественно-технического института, преобразованного позднее в полиграфический. Ее учителями были такие прекрасные мастера, как Сергей Герасимов, Александр Дейнека, Лев Бруни, Надежда Удальцова.

И хотя свою профессиональную жизнь К. Купецко начала как плакатист, ее дипломная работа называлась «Этюды реки Яузы». Первая

Яблоки.

любовь победила, и художница сохраняет ей верность до сих пор.

Одну за другой раскрывает Ксения Конрадовна папки с листами своих акварелей. Натюрморты — цветы, садовые и полевые, фрукты. Пейзажи — уголки Таллина и Львова, Днепророгэс, Туркмения. Впечатления от зарубежных поездок — Италия и Египет. И все-таки больше всего работ посвящено Москве и Ленинграду.

— Я создаю свои акварели, — говорит Ксения Конрадовна, — обычно в один сеанс и непременно с натуры. Есть у меня и еще один принцип: какой бы город я ни писала, стараюсь запечатлеть самое характерное именно

для него — каждый город должен быть узнаваем.

Акварели Купецко в полной мере отвечают этому принципу. Многие из них даже не нуждаются в подписи. В этом нетрудно убедиться, взглянув на репродукции, помещенные на этой странице.

И в то же время все работы художницы отмечены особым, только ей присущим почерком, ее индивидуальностью. Реальная действительность, пропущенная сквозь призму видения автора, становится предметом прекрасного, способного соперничать с живой природой.

Е. ТАРАСОВА

